

№ 2
7685

Проверено 1964 г.
- МАЙ 2008

Тимкин, Закон о преступлении
указ в военные времена

ПРАВО

№ 25.

1916 г.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „ПРАВЪ“

Петроградъ, Литейный проспектъ, д. № 28. Телефоны: 41—61 и 661—27
Комиссіонеръ Государственной Типографіи.

Вышли изъ печати и поступили на складъ новыя изданія:

Война и экономическая жизнь.

Изданія Всерос. Земскаго Союза, подъ ред. проф. П. Б. СТРУВЕ.

ВЫП. II. И. А. МИХАЙЛОВЪ.

Война и наше денежное обращеніе.

ФАКТЫ И ЦИФРЫ. Пгр. 1916 г. Стр. 48, съ 11 діаграммами. Ц. 60 к
ТО-ЖЕ ВЫП. I. ПРОФ. А. А. КАУФМАНЪ. Учетъ сельско-хозяйственныхъ силъ. 1916 г. Ц. 60 к.
Готовятся къ печати выпуски о регулированіи цѣнъ въ связи съ упорядоченіемъ перевозокъ, о
подъемѣ цѣнъ (дороговизнѣ) о государственныхъ доходахъ и расходахъ въ военное время,
о задачахъ экономической политики на нашемъ Сѣверѣ и др.

Проф. П. И. ЛЮБЛИНСКІЙ

Уголовное законодательство военнаго времени въ Германіи и Австро-Венгріи.

Пгр. 1916 г. Стр. 85. Цѣна 1 руб.

Проф. М. Я. ПЕРГАМЕНТЬ.

Памяти Рэмона Салейля.

(1855—1912). Пгр. 1916 г. Стр. 32. Цѣна 50 к.

Проф. I. А. ПОКРОВСКІЙ.

Право на честь.

Маленькая иллюстрація къ большому вопросу. Пгр. 1916 г. Стр. 15. Цѣна 25 коп.

Проф. М. И. ФРИДМАНЪ.

Винная монополія въ Россіи.

Пгр. 1916 г. Стр. VII+627. Цѣна 5 руб.

Проф. В. Н. ТВЕРДОХЛѢБОВЪ.

Финансовыя очерки.

Вып. I. Пгр. 1916 г. Стр. 168. Цѣна 2 руб.

Н. АБРАМОВИЧЪ.

Законъ о подоходномъ налогѣ,

съ законодательными мотивами и разъясненіями, извлеченными изъ объяснит.
записки Министра Финансовъ, докладовъ комиссій Гос. Думы и стеногр. отчетовъ
засѣданій Гос. Совѣта, съ приложеніемъ алф. предметнаго указателя и образцовъ
заявленій и жалобъ по дѣламъ о подоходномъ налогѣ.

ПГР. 1916 г. Стр. 79. Цѣна 1 руб.

ПРАВОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1916 г.

№ 25.

Воскресенье 26 Юня.

„Право“ издается въ Петроградѣ при ближайшемъ участіи: профессора В. М. Гессена, I. В. Гессена, профессоровъ Д. Д. Гримма, А. А. Жижиленко и А. И. Каминки, В. Д. Набокова, профессоровъ бар. В. Э. Нольде и М. Я. Пергамента.

Содержаніе: 1) Законъ и чрезвычайный указъ въ военное время. Проф. П. И. Люблинскій.— 2) Очерки городского права. Прив.-доц. М. Б. Горенбергъ.— 3) Положеніе о страхованіи рабочихъ и профессиональныя болѣзни. С. М. Гликинъ.— 4) Дѣйствія правительства.— 5) Хроника.— 6) Библиографія: Н. Вавинъ. Завѣщательный отказъ по русскому праву. Е. А. Флейшицъ.— 7) Новости юридической литературы.— 8) Судебная и судебно-административная практика (гражданскій касс. департаментъ прав. сената).— 9) Отвѣты редакціи.— 10) Справочный отдѣлъ.

РЕДАКЦІЯ (М. Конюшенная, 3. Телефонъ 3620) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 11 ч. до 1 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Не напечатан. статьи возвращаются по прелавленіи надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 9 руб., на полгода 5 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 5 руб. и къ первому мая 4 рубля. За границу на годъ—12 руб. Отдѣльные номера продаются по 25 коп.

За перемѣну адреса уплачивается: городского на иногородній—50 к., въ остальныхъ случаяхъ—20 к.

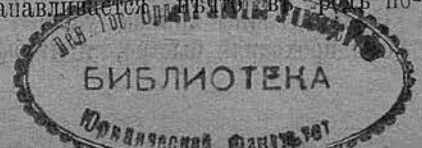
ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Литейный пр., 28) открыта отъ 11 час. до 3 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Законъ и чрезвычайный указъ въ военное время.

Формы правовой дѣятельности государства во время войны невольно испытываютъ значительныя измѣненія. Война часто требуетъ быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ въ законодательной области, для проведенія которыхъ оказываются непригодными даже специально приспособленные къ требованіямъ момента сложные законодательныя пути. Уже въ нормальное время учитывается возможность „чрезвычайныхъ обстоятельствъ“, и въ соответствии съ этимъ на такой случай въ рядѣ странъ предусматриваются особые порядки проведенія въ жизнь мѣръ, обычно требующихъ предварительнаго законодательнаго одобренія. Однако, эта предусмотрительность не всегда оказывается соответствующей. Для однихъ случаевъ чрезвычайныя полномочія являются слишкомъ широкими, и потому признаніе ихъ въ конституціи служитъ какъ бы постоянной угрозой нормальному законодательному порядку, для другихъ, при наличности особой крайности, они порою слишкомъ узки. Подобно тому, какъ весьма разнообразны степени чрезвычайности, разнообразны и границы допустимыхъ отступленій отъ нормального порядка. Заранѣе намѣтить ихъ весьма затруднительно. Чрезвычайность именно и характеризуется тѣмъ, что

она не можетъ быть заранѣе предусмотрѣна и не можетъ быть подведена подъ какой-либо единый шаблонъ. Подлинная крайняя необходимость оправдываетъ сама себя и не нуждается въ легальномъ санкціонированіи. Напротивъ того, легализованная крайность часто служитъ только прикрытіемъ отсутствія реальной необходимости.

Въ литературѣ государственнаго права до послѣдняго времени велся оживленный споръ о томъ, насколько вызываемыя необходимостью отступленія отъ нормального законодательнаго пути или такъ называемое чрезвычайно-указное право нуждается въ легальномъ признаніи. Никто не отрицаетъ того, что крайность можетъ приводить къ нарушенію нормального порядка законодательства, но споренъ вопросъ о томъ, насколько самъ законъ долженъ заранѣе намѣтить случаи и формы возможныхъ нарушеній, и тѣмъ отчасти уже легализовать ихъ впередъ. Конституціонное право однихъ странъ рѣшило этотъ вопросъ утвердительно, внося въ свое право опредѣленныя постановленія о чрезвычайныхъ указахъ. Въ другихъ странахъ эти чрезвычайныя мѣры не предусматриваются, а нарушенія установленнаго закономъ порядка каждый разъ обсуждаются соответственно конкретнымъ обстоятельствамъ, которыми они были вызваны, при чемъ устанавливается различіе въ отношеніи

слѣдующей легализаці ихъ. Этотъ порядокъ предпочтительнѣе въ томъ отношеніи, что онъ оставляетъ въ полной мѣрѣ отвѣтственность за принимаемыя чрезвычайныя мѣры на томъ, кто предпринять ихъ.

Въ теченіе настоящей войны дѣйствіе чрезвычайныхъ обстоятельствъ проявилось въ рядѣ странъ особенно рѣзко. Рѣзкія потрясенія хозяйственной жизни, массовыя перемѣщенія мирнаго населенія, необычайное напряженіе финансовъ и настоятельная потребность охраненія государственной и общественной безопасности создали напряженное состояніе. Право должно было быстро приспособляться къ обостряющимся условіямъ жизни, и не всегда соблюденіе нормальнаго законодательнаго пути оказывалось возможнымъ. Всѣ страны, участвующія въ міровой борьбѣ, испытали это состояніе и примѣнили различныя виды чрезвычайнаго законодательства. Чрезвычайныя указы, независимо отъ того, предусматривались они конституціей, или нѣтъ, получали свое примѣненіе въ жизни, и при томъ въ весьма широкой степени. Англія, Франція, Германія, совершенно не знавшія ихъ до войны, выработали въ практикѣ новыя формы, изученіе которыхъ даетъ богатый матеріалъ для оцѣнки чрезвычайнаго права вообще.

Обсужденіе вопроса о томъ, насколько правительства и парламенты, выработавшія эти формы и широко воспользовавшіеся ими, дѣйствовали въ соотвѣтствіи съ дѣйствительной необходимостью и заслуживаютъ оправданія въ своихъ дѣйствіяхъ, есть дѣло политическихъ учрежденій каждой страны. Для юриста-наблюдателя важны лишь тѣ новыя черты въ области публичнаго права, которыя проявляются во всѣхъ этихъ новообразованіяхъ. Послѣ войны онѣ, несомнѣнно, дадутъ толчокъ къ пересмотру вопроса объ отношеніяхъ между правительствомъ и законодательною властью и, въ частности, во многомъ повлияютъ на конструкцію чрезвычайно-указнаго права. Къ настоящему моменту матеріалъ еще далеко не полонъ и не разработанъ, но все же имѣется возможность намѣтить уже нѣкоторыя черты. Въ востоящей статьѣ авторъ ставитъ себѣ цѣлью только намѣтить нѣкоторыя стороны въ этой области, обративъ на нихъ вниманіе русскихъ юристовъ. Оцѣнка и выводы еще трудны и неопредѣленны. Они лежатъ въ будущемъ.

I.

Наибольшую стойкость въ сохраненіи законодательнаго господства парламента во время настоящей войны обнаружила Англія. Здѣсь по прежнему всѣ важнѣйшія мѣры, требующія законодательнаго признанія, проводились черезъ палаты; послѣднія засѣдали все время, съ небольшими лишь перерывами. Однако, самый характеръ прохожденія биллей рѣзко измѣнился. Были сдѣланы крайнія усилія къ тому, чтобы они проходили быстро, и чтобы правительство

располагало достаточнымъ временемъ въ экономіи парламентскаго распорядка. Большинство трудностей, при прохожденіи биллей возникало въслѣдствіе возраженій и поправокъ, обычно предлагаемыхъ оппозиціей. Образование коалиціоннаго министерства изъ представителей всѣхъ партій устранило эти трудности. Корреспондентъ „Журн. Мин. Юст.“ Сесиль Алень, обозрѣвая итоги парламентской сессіи 1915 г., отмѣчаетъ ту чрезвычайную быстроту, съ которой работали обыкновенно малоподвижный англійскій парламентъ. Многіе проекты принимались во всѣхъ трехъ чтеніяхъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ ихъ первоначальнаго внесенія¹⁾. Образование коалиціоннаго министерства оказалось полезнымъ для усиленія законодательной работы еще въ другомъ отношеніи. Ослабивъ внутреннія политическія тренія въ парламентѣ, перенеся ихъ на кабинетъ, оно разгрузило парламентъ отъ вопросовъ и запросовъ по внутренней политикѣ, число которыхъ за истекшіе полтора года войны было ничтожнымъ. Военная цензура и воинская повинность почти однѣ только давали тему для дебатовъ по внутренней политикѣ въ стѣнахъ парламента. Но и эти благоприятныя условія оказались недостаточными. Пришлось пойти навстрѣчу предложенію правительства и практически изгнать всякую частную законодательную инициативу на время войны. 3 февраля 1915 г. Асквитомъ было внесено предложеніе объ измѣненіи обычнаго парламентскаго порядка. Согласно этому предложенію, принятому палатой, частныя предложенія могутъ быть заслушаны лишь послѣ обсужденія правительственныхъ дѣлъ, если это обсужденіе закончено ранѣе времени, указанного для окончанія засѣданія, т. е. практически для нихъ совершенно не оставлено мѣста. Обычно отводимымъ для частныхъ биллей днемъ была пятница, теперь же постановлено, что засѣданія парламента прекращаются въ четвергъ (до понедѣльника), чтобы дать время членамъ палаты заняться добровольно принятыми на себя трудами патріотическаго свойства. Мотивируя свое предложеніе, Асквитъ сказалъ: „По моему мнѣнію, было бы не только неумѣстно, но даже противно здравому смыслу всего населенія, заниматься въ настоящее время разсмотрѣніемъ какихъ-либо законопроектовъ спорнаго характера или же болѣе или менѣе академическимъ обсужденіемъ всякихъ возможныхъ общественныхъ и политическихъ реформъ. Внося настоящее предложеніе, правительство тѣмъ самымъ обращается къ частнымъ членамъ палаты съ просьбою отказаться отъ ихъ обычной практики. Взамѣнъ такой жертвы съ ихъ стороны, мы имѣемъ въ виду ограничиться лишь тѣми законопроектами, которые касаются мѣръ, необходимыхъ для обезпеченія успѣшнаго окончанія войны, какъ въ финансовомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ²⁾“.

1) Письма изъ Англіи. — Журн. Мин. Юст. 1915 г. № 4, стр. 334.

2) Письма изъ Англіи. — Журн. Мин. Юст. 1915 г. кн. 3, стр. 272.

Несмотря на изложенное усиление пропускной способности парламента въ отношеніи правительственныхъ биллей, все же и въ Англии указъ получалъ значительное развитіе, присвоивъ себѣ нѣкоторыя полномочія закона.

Во второй половинѣ XVI вѣка королевскіе прокламаціи и указы пользовались силой, почти равной силѣ закона. Статутъ 1539 г. присвоилъ прокламаціямъ короля силу закона, а при Эдуардѣ VI (1576 г.) широко использовано было указное право короли. Конецъ такому „захвату“ королевемъ законодательной власти былъ положенъ биллемъ о правахъ 1688 г. Съ того времени вопросъ былъ категорически разрѣшенъ для англійскихъ юристовъ¹⁾. Въ началѣ настоящей войны министерство воскресило въ началѣ практику королевскихъ прокламацій. Прокламаціи эти, по своему характеру, несомнѣнно, вторгались въ область законодательства. Такъ, 5 августа 1914 г. прокламаціей былъ введенъ трехдневный мораторій. 5 августа 1914 г. была издана прокламація о воспрещеніи торговыхъ сношеній съ непріателемъ, объявлявшая преступленіемъ торговлю съ Германіей. 9 сентября того же года эта прокламація была замѣнена новой, болѣе подробной, въ которой содержался запретъ торговли, производства платежей, заключеніе сделокъ и т. д. съ подданными враждебныхъ государствъ. Наконецъ, для поддержанія существующей морской торговли Англии были приняты 5 августа 1914 г. въ административномъ порядкѣ мѣры о выдачѣ авансовъ Англійскому банку для гарантірованія коммерсантамъ потерь, понесенныхъ влѣдствіе войны. Всѣ эти мѣры, проведенныя безъ участія парламента, казалось, воскрешали старое право королевскихъ прокламацій, вмѣняющъ силу закона и аналогичныхъ чрезвычайнымъ указамъ. Эти мѣры, конечно, не могли не встревожить англичанъ. Начались возраженія въ печати и въ парламента. Англійскій банкъ, пойдя на страхованіе коммерческихъ грузовъ, предложенное Ллойдъ-Джорджемъ, потребовалъ, однако, чтобы право правительственныхъ авансовъ было основано не на королевской прокламаціи, а на статутѣ парламента. Генеральный атторней Джонъ Саймонъ, отвѣчая на вопросъ въ парламента, отвѣтилъ, что прокламація о воспрещеніи торговыхъ сношеній съ непріателемъ не создавала новыхъ преступленій, а была основана лишь на старомъ англійскомъ common law, и составляла лишь изложеніе его. Правительство изъявило полную готовность немедленно провести эти прокламаціи въ законодательномъ порядкѣ. Вновь изданными законами 1914 г., королю уже по делегации отъ парламента предоставлено право отсрѣчивать уплату по векселямъ и другимъ обязательствамъ (The postponement of payments act, 1914), воспрещать торговлю съ непріателемъ, за что усгано-

влены были уже опредѣленные наказанія (The trading with the enemy act, 1914), гарантіровать потери коммерсантовъ во время войны (The government war obligation act, 1914).

Эта форма делегации королю законодательной власти, которую онъ можетъ осуществлять посредствомъ прокламацій или административныхъ указовъ (in council), получила широкое развитіе. Приведемъ нѣсколько законовъ, въ которыхъ она нашла наиболѣе яркое свое выраженіе.

Основнымъ закономъ, весьма расширившимъ указныя полномочія правительства во время настоящей войны, явился законъ о государственной оборонѣ (Defence of Realm act). Законъ этотъ нѣсколько разъ переиздавался. Въ 1914 г. онъ послѣдовательно былъ изданъ въ трехъ редакціяхъ (4 and 5 geo. 5 с. 29, с. 63, 5 geo. 5 с. 8), которыя затѣмъ были сведены въ единый актъ 27 ноября 1914 г. (Defence of the Realm Consolidation act, 1914). Ст. I этого закона гласила:

„Его Величество въ Совѣтѣ имѣетъ право въ теченіе настоящей войны издавать постановленія для огражденія общественной безопасности и для защиты страны. Онъ можетъ опредѣлять права и обязанности для этой цѣли военнаго и адмиралтейскаго соѣтвъ, чиновъ арміи и флота и другихъ лицъ, дѣйствующихъ отъ имени Его Величества. Тѣми же постановленіями король въ Совѣтѣ можетъ предписывать передачу на разсмотрѣніе военныхъ судовъ или — въ случаѣ меньшихъ проступковъ — на разсмотрѣніе судовъ суммарнаго производства дѣлъ о нарушеніи этихъ постановленій, и въ частности противъ одного изъ слѣдующихъ постановленій:

а) запрещающихъ вести сношенія съ непріателемъ или получать свѣдѣнія съ этой цѣлью или съ цѣлью подвергнуть опасности успѣшность дѣйствій вооруженныхъ силы Его Величества или союзниковъ Его или помочь врагу; или

б) ограждающихъ безопасность вооруженныхъ силъ и кораблей Его Величества и цѣлость какихъ-либо путей сообщенія и желѣзныхъ дорогъ, портовъ, гаваней; или

в) запрещающихъ распространеніе ложныхъ свѣдѣній или свѣдѣній, могущихъ вызвать враждебность къ Его Величеству или помѣшать успѣху военныхъ или морскихъ силъ Его Величества или причинить вредъ отношеніямъ Его Величества къ иностраннымъ державамъ; или

г) обезпечивающихъ плаваніе судовъ въ соотвѣтствіи съ указаніями, данными адмиралтействомъ или по его уполномоченію;

д) воспрещающихъ какую-либо иную помощь врагу или ставящихъ какимъ-либо образомъ въ опасность успѣшное веденіе войны“.

Ст. 4 акта 1914 г. указывала, что „въ отношеніи военнаго суда надъ лицомъ, виновнымъ въ такомъ преступленіи, и наказанія его слѣдуетъ придерживаться того положенія, какъ если бы виновный былъ лицомъ, подлежащимъ дѣйствию военнаго права и, состоя на дѣйствительной

¹⁾ См. Я. Магазинерт. Чрезвычайно-указное право 1911 г., стр. 18 сл.

военной службѣ, учинилъ преступленіе, предусмотрѣнное отдѣломъ V акта объ арміи. При этомъ, если будетъ доказано, что преступленіе учинено съ цѣлью оказанія помощи неприятелю, то виновный, по приговору военно-уголовнаго суда долженъ быть подвергнутъ смертной казни".

Чтобы учесть значеніе этого акта, позволимъ привести краткое изложеніе рѣчи лорда Пармура, произнесенной 2 февраля 1915 г. въ палатѣ лордовъ. Лордъ Пармуръ указалъ, что уже 700 лѣтъ тому назадъ въ Англіи былъ провозглашенъ принципъ, что никто не можетъ быть судимъ другимъ судомъ, кромѣ суда равныхъ, и не иначе, какъ въ соотвѣтствіи съ существующими законами судебного производства. Принципъ этотъ подтвержденъ затѣмъ петиціей о правахъ и декларацией правъ. Въ законѣ 1914 года парламентъ впервые въ исторіи Англіи провозгласилъ противоположный принципъ. Хотя законъ о государственной оборонѣ не устанавливаетъ военнаго положенія, тѣмъ не менѣе онъ распространяетъ на гражданскихъ лицъ нѣкоторыя постановленія, которые, согласно закону объ арміи, имѣли примѣненіе въ обычное время исключительно къ воинскимъ чинамъ. По свидѣтельству лорда Пармура, на основаніи этого закона издадо уже 63 административныхъ распоряженія, и представляется сомнительнымъ, чтобы понятіе и составъ преступленій могли опредѣляться административными распоряженіями или какимъ-либо инымъ путемъ, кромѣ парламскаго акта ¹⁾. Лордъ Лорбернъ, бывший лордъ-канцлеръ Англіи, подтвердилъ, что законъ 1914 г. устанавливаетъ нѣкоторыя новыя преступленія, неизвѣстныя англійскому общему праву. Представитель правительства, виконтъ Гольденъ сослался на то, что законъ о государственной оборонѣ, предоставляющій право назначать смертную казнь за нарушеніе административныхъ распоряженій, изданныхъ на основаніи этого закона, былъ принятъ парламентомъ въ моментъ непосредственно грозившей государству опасности. Предоставленіе этого права имѣло, главнымъ образомъ, въ виду оказать устрашающее вліяніе на подданныхъ неприяТЕЛЬСКИХЪ государствъ. Существуютъ нѣкоторыя преступленія, которыя во время войны не могутъ быть разсматриваемы обыкновенными судами. Правительство, однако, готово внести ограниченія въ принятый законъ.

Дѣйствительно, уже 24 февраля разсматривался билль объ исправленіи закона о государственной оборонѣ (The Defence of the Realm Amendment bill, 1915 г.). По новому биллю, для дѣлъ меньшей важности попрежнему сохраняется суммарное производство предъ мировыми судьями, а въ болѣе важныхъ — самому подсудимому предоставляется право выбора между общимъ судомъ (судомъ присяжныхъ) и су-

домъ военнымъ. Для избѣжанія проволочки, обвиняемый, желающій судиться въ общемъ судѣ, долженъ заявить объ этомъ въ теченіе четырехъ дней (позднѣе срокъ повышенъ до шести дней) со времени сообщенія ему объ обвиненіи. Правительству предоставлено, однако, широкое право опредѣлять мѣстную подсудность дѣла. Правомъ выбора, однако, пользуются только британскіе подданные. Исключеніе иностранцевъ изъ права быть судимыми по своему желанію общими судами было мотивировано тѣмъ, что порою трудно установить настоящее подданство иностранца. Если кто-либо утверждаетъ, что онъ британскій подданный по рожденію или по натурализаціи, то это очень легко проверить, но въ тѣхъ случаяхъ, когда привлеченный къ отвѣтственности нѣмецъ заявляетъ, что онъ не германскій подданный, а гражданинъ Сѣв.-Американскихъ Штатовъ или Швейцаріи, выясненіе истинности его заявленія вызоветъ значительныя затрудненія и проволочки. Но, въ концѣ концовъ, это огульное исключеніе иностранцевъ было отвергнуто, и принято то правило, что въ случаѣ заявленія иностранца о желаніи судиться не въ военномъ, а въ общемъ судѣ, заявленіе разсматривается правительствомъ, которое рѣшаетъ по свободному усмотрѣнію ¹⁾.

Широкія принудительныя мѣры даны во власть правительства и вторымъ закономъ о государственной оборонѣ. Правительство можетъ реквизиловать фабрики и заводы, опредѣлять порядокъ работъ на нихъ, ограничивать или регулировать производство, перенимать въ свое владѣніе незанятые помѣщенія, расторгать всякіе заключенные промышленниками контракты и т. д.

Значительнѣйшее расширеніе области административнаго указа мы встрѣчаемъ и въ законѣ объ ограниченіяхъ иностранцевъ (The Aliens restrictions act, 1914). Законъ этотъ предоставляетъ королю право устанавливать особыми административными указами, во время войны или грозившей государству опасности или вообще въ случаяхъ крайней необходимости, ограниченія по отношенію къ иностранцамъ и издавать правила, когда они окажутся необходимыми или цѣлесообразными для проведенія въ жизнь такихъ ограниченій. Король можетъ постановлять: 1) о воспрещеніи вѣзда иностранцевъ, 2) о воспрещеніи ввоза, 3) о высылкѣ иностранцевъ, 4) о проживаніи иностранцевъ въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, 5) о воспрещеніи иностранцамъ проживать въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, 6) о внесеніи именъ иностранцевъ въ особый реестръ, 7) о назначеніи должностныхъ лицъ для приведенія въ исполненіе распоряженій относительно иностранцевъ, 8) о наложеніи взысканій на лицъ, способствующихъ нарушенію этихъ правилъ, 9) объ арестѣ и обыскѣ лицъ, виновныхъ въ нарушеніи этихъ правилъ, 10) о всякихъ другихъ предметахъ, которые мо-

¹⁾ Письма изъ Англіи. — Ж. М. Ю. 1915 г. кн. 3, стр. 273.

¹⁾ Ibid. Ж. М. Ю. 1915 г., кн. 4.

туть оказаться необходимыми или полезными для безопасности государства.

Отметим, наконец, еще два закона по отношению к экономической области.

Так, закон о воспрещении вывоза (The Exportation — Prohibition Act, 1914) предоставляет королю посредством прокламации или указа в совете воспрещать на время войны вывоз из страны всякого рода товаров. Закон о неоправданном удержании предметов продовольствия (The unreasonable withholding of food supplies act, 1914) предоставляет правительству право конфисковать невыпускаемые без уважительной причины на рынок запасы товаров. При этом король в своей прокламации может указывать те товары, к которым может быть примѣняема указанная мѣра.

Мы привели наиболее яркие примѣры расширения указной власти правительства в Англии. Все эти случаи падают на конец 1914 г. — первые мѣсяцы войны — когда Англия резко почувствовала свою неподготовленность к войнѣ, и когда парламент почти слѣпо довѣрился вновь образованному коалиционному правительству. Чрезвычайный характер этих полномочий определяется тѣм, что они ввѣряются лишь „на время настоящей войны“, „для отвращения грозящей государству опасности“, или „для случаев крайней необходимости“. В отличие от континентального чрезвычайно-указного права, английское право (кроме нѣскольких прокламаций, изданных в первые дни войны, затѣм закрѣпленных парламентскими актами) каждый раз основывается юридический титуль их на статутѣ парламента. Предоставляемые полномочия, при всей их общности, ограничиваются, однако, во-первых, цѣлью, имѣющей отношение к оборонѣ государства или ограждению общественной безопасности, во-вторых, извѣстной областью отношений. Наиболее острыми являются полномочия, предоставленные в отношении иностранцев. Здѣсь оказался исключительный эгоизм английского государственного права, ограждающего по преимуществу права английских граждан. Иностранцы поставлены под умотрѣніе, быть может порой благожелательное, но все же юридически не стѣсненное, английского правительства. Не устанавливается новым английским правом какого-либо опредѣленного порядка послѣдующей провѣрки парламентомъ административных распоряженій, изданныхъ королемъ в силу предоставленныхъ ему полномочій. Это явилось излишнимъ в виду того, что указная власть правительства, какъ основанная на делегации, всегда может быть взята назад или актомъ парламента может быть аннулировано изданное в силу чрезвычайныхъ полномочій отдѣльное правительственное постановление.

II.

Во Франціи, съ цѣлью борьбы противъ чрезвычайно-указного права, уже в законъ 1849 г. объ осадномъ положеніи было внесено постановление, что по объявленіи осаднаго положенія палаты автоматически собираются два дня спустя и продолжают оставаться в сессіи на все время дѣйствія осаднаго положенія. Такимъ образомъ предполагалось, что при наличности засѣдающаго парламента правительство будетъ лишено того формальнаго повода къ изданію чрезвычайныхъ указовъ, который обычно выставляется в видѣ невозможности обратиться къ содѣйствию нормальныхъ законодательныхъ органовъ. Съ объявленіемъ войны и осаднаго положенія палаты дѣйствительно были собраны черезъ два дня, впрочемъ, не автоматически, а постановленіемъ президента. Но требованіе о непрерывности сессіи было нарушено. Несмотря на то, что осадное положеніе продолжало существовать, правительство неоднократно постановляло о перерывахъ сессіи, и в теченіе всего 1915 г. парламентъ засѣдалъ лишь в продолженіе пяти мѣсяцевъ. Во время сессій и в перерывахъ между ними французское правительство широко развило чрезвычайно-указную дѣятельность, при чемъ очень часто эти указы затѣм, по предложенію самого же правительства, превращались в законы. Я позволю привести нѣсколько примѣровъ, заимствуемыхъ изъ интересной работы проф. Бартелеми ¹⁾.

Приостановка дѣйствія того или иного закона есть право парламента. В отдѣльныхъ случаяхъ парламентъ особымъ закономъ уполномочивалъ правительство приостанавливать тѣ или иные законы съ тѣмъ, чтобы объ этомъ было доведено до свѣдѣнія парламента в ближайшую сессію. Такъ, напр., законъ 29 марта 1910 г. (ст. 3 § 8) предоставляет правительству путемъ составленій совѣта министровъ принимать соотвѣтствующія обстоятельствамъ мѣры противъ иностранныхъ государствъ, издавшихъ распоряженія, мѣшающія французской торговлѣ съ обязанностью доведения о нихъ до свѣдѣнія палатъ. За время съ 31 июля 1914 г. по 9 января 1915 г. правительство своею властью издало 36 декретовъ, приостанавливающихъ нѣкоторыя постановления таможеннаго закона или воспрещающихъ вывозъ ряда продуктовъ. Правительство предварительно со своей инициативѣ, безъ полномочія со стороны парламента, но внесло на одобреніе парламента, употребивъ любопытную формулу „sont ratifiés et convertis en lois“, т. е. прямо признавъ, что оно антиципировало этими декретами законодательную власть палатъ. Изъ другихъ областей также можно привести примѣры приостановки дѣйствія законовъ посредствомъ правительственныхъ указовъ. Такъ, декре-

¹⁾ I. Barthélemy. Le droit public en temps de guerre. III. Le gouvernement et la loi. Revue de droit public, 1915, N° 3.

томъ 15 сентября 1914 г. приостановленъ законъ 1886 г., запрещающій иностранцамъ преподаваніе въ школахъ. Приостановка была сдѣлана съ цѣлью дать бельгійскимъ учителямъ-бѣженцамъ возможность зарабатывать себѣ средства во Франціи. Порою приостанавливались отдѣльныя статьи законовъ, исполненіе которыхъ въ военное время встрѣчало неудобства. Такъ, декретомъ 15 августа 1914 г. отмѣнено то постановленіе закона 16 февраля 1912 г., по которому при отставкѣ генераловъ не по причинѣ болѣзни требуется выслушаніе мнѣнія высшаго военного совѣта. Въ виду затруднительности выполнения этого требованія въ военное время, это мнѣніе замѣнено заключеніемъ главнокомандующаго. Декретомъ 9 сентября 1914 г. упрощена дисциплинарная отвѣтственность офицеровъ путемъ приостановки дѣйствія ст. 13 закона 1834 г., требующей предварительнаго заключенія слѣдственной комиссіи. Въ цѣляхъ быстроты дисциплинарнаго воздѣйствія была отмѣнена даже такая законная гарантія, какъ предварительное сообщеніе обвиняемому данныхъ обвиненія, при чемъ декретомъ 10 сентября 1914 г. эта приостановка была распространена и на гражданскихъ чиновниковъ.

Многочисленными оказались измѣненія, внесенныя, въ порядкѣ указа, въ военно-судебный уставъ. Декретъ 6 сентября 1914 г. предоставляетъ право военному министру учреждать военные суды повсюду, гдѣ въ нихъ окажется надобность, разрѣшаетъ разсмотрѣніе дѣлъ при числѣ судей, меньшемъ, чѣмъ то установлено въ законѣ, устраняетъ необходимость соблюденія ряда процессуальныхъ сроковъ. Въ законѣ о ратификаціи (*loi ratificative*) отъ 30 марта 1915 г. мы находимъ 34 декрета, принятыхъ правительствомъ въ военной области безъ санкціи парламента и вторгающихся въ область законодательства, какъ, напр., объ объявленіи досрочныхъ призывовъ, о назначеніи переосвидѣтельствующихъ и пр. Правительство само признавало, что оно дѣйствовало безъ законныхъ полномочій, но искало у парламента покрытія его незаконныхъ дѣйствій, какъ вызванныхъ крайней необходимостью, интересами войны и пр. Такъ, въ сообщеніи, сопровождавшемъ указъ 20 сентября 1914 г. о призывѣ запасныхъ, указывается, что „потребности настоящей кампаніи и отсутствіе палаты оправдываютъ принятіе общей мѣры въ этомъ отношеніи“. Большинство законовъ касалось военной стороны дѣла, въ области которой парламентъ послушно подчинялся правительству, и потому правительство не считало необходимымъ особо говорить о вѣроятномъ соотвѣтствіи этихъ мѣръ стремленіямъ парламента; все же мы встрѣчаемъ, напр. въ декретѣ 9 сентября 1914 г. о переосвидѣтельствующихъ лицѣхъ, освобожденныхъ отъ военной службы, указаніе, что „эта мѣра, повидимому, отчасти будетъ соотвѣтствовать намѣреніямъ законодателя, отчасти интересамъ національной обороны“. Когда правительство

указомъ 7 января 1915 г. ввело рядъ ограничительныхъ мѣръ по продажѣ абсента и по открытію новыхъ питейныхъ заведеній, то оно сочло необходимымъ подробно мотивировать этотъ указъ, несомнѣнно вторгавшійся въ область законодательной дѣятельности, тѣмъ, что „эти мѣры проводить въ жизнь то, къ чему были направлены многочисленныя вотумы парламента“. Любопытно отмѣтить, что эта важная мѣра была проведена черезъ 12 дней послѣ закрытія сессіи и за пять дней до открытія новой сессіи, такъ что едва ли можно было говорить о неотложности этой мѣры. Точно также посредствомъ декрета 27 сентября 1914 г. была проведена мѣра, воспрещающая торговлю сношеніями съ подданными непріятельскихъ странъ, хотя вмѣлась возможность предложенія ея палатамъ въ непосредственно предстоящую сессію. Въ этомъ законѣ запретъ торговли не сопровождался какими либо карательными санкціями, тогда какъ въ декретѣ о воспрещеніи продажи абсента мы находимъ указаніе новыхъ преступныхъ дѣяній, за которыя назначено наказаніе. Можетъ ли быть поддерживаема передъ кассационнымъ судомъ законность назначенныхъ въ силу этого декрета наказаній? Или, могутъ-ли быть обжалованы въ Государственный Совѣтъ тѣ ограниченія, которыя наложены декретами на различныхъ лицъ? Съ правовой точки зрѣнія вопросъ этотъ безспорно рѣшается положительно. Такое рѣшеніе, однако, открыло бы доступъ къ преслѣдованію соотвѣтственныхъ должностныхъ лицъ и къ отысканію съ нихъ убытковъ. Съ цѣлью устраненія этихъ возможностей во всѣхъ ратифицированныхъ палатами указахъ мы встрѣчаемъ слѣдующую формулу: „ратифицируются и превращаются въ законы слѣдующіе указы, при чемъ постановленіямъ ихъ придается сила закона со времени ихъ опубликованія“. Здѣсь, такимъ образомъ, закону придается какъ бы обратная сила, покрывающая опубликованный, хотя и незаконный декретъ. Государственный Совѣтъ въ рѣшеніи отъ 30 іюля 1915 г. не затруднился призвать дѣйствительность такой ратификаціи со дня опубликованія декрета, сравнивъ ратификацію *a posteriori* съ мандатомъ, — слѣдуя какъ бы римской максимѣ — *ratihabitio mandato aequiparatur*.

Суммируя рядъ случаевъ, относящихся къ вторженію указаго права въ область законодательства, Бартеlemi приходитъ къ заключенію, что незаконность въ этомъ отношеніи является порою необходимой. Но, являясь мѣрой опасной, она должна быть окружена рядомъ гарантій. Главной гарантіей является контроль парламента, при чемъ, такъ какъ парламентъ можетъ собираться и по собственному желанію, то эта гарантія не является иллюзорной. Кромѣ того, должны имѣться слѣдующія ограничительныя условія: 1) наличность дѣйствительной національной, а не только политической опасности. 2) необходимость, 3) неотложность данной мѣры.

и 4) серьезная невозможность соблюдения конституционных форм издания законов.

Не трудно видеть, что въ практикѣ французскаго правительства, только что изложенной нами и санкціонуемой палатами, имѣются почти все элементы чрезвычайно-указнаго права, создавшагося чисто фактически. Изданіе указовъ, измѣняющихъ законъ или приостанавливающихъ его, оправдывается неотложной необходимостью и отсутствіемъ палатъ. Эти указы представляются въ парламентъ въ ближайшую сессию (иногда даже указывается 15-дневный срокъ внесенія на одобреніе). Законная сила этихъ указовъ, однако, только презумируется. Она придаетъ имъ лишь *post factum* ратификаціей парламента. Вслѣдствіе этого, для продолженія дѣйствія чрезвычайнаго указа требуется обязательное санкціонированіе его парламентомъ, а не только отсутствіе возраженій, какъ у насъ по ст. 87. Въ противномъ случаѣ указъ остается въ неопредѣленномъ положеніи. Нератифицированіе указа палатами не только не придаетъ ему надлежащей силы, но и подвергаетъ должностныхъ лицъ, исполняющихъ его, возможности быть привлеченными къ суду за незаконныя дѣйствія. Ратификація съ обратной силой имѣетъ, поэтому, какъ бы характеръ англійскихъ *acts of indemnity*. Такой характеръ ея заставляетъ правительство пользоваться чрезвычайно-указнымъ правомъ лишь въ согласіи съ волей парламента, съ расчетомъ на возможное одобреніе этихъ мѣръ палатами. Для отвѣтственнаго или коалиціоннаго министерства такой учетъ воли парламента сравнительно не труденъ. И мы видимъ, что, несмотря на многочисленность изданныхъ французскимъ правительствомъ чрезвычайныхъ указовъ, ни одинъ изъ нихъ не вызвалъ оппозиціи парламента и не нарушилъ той *union sacré*, которая была провозглашена въ политической области во Франціи съ началомъ войны.

П. И. Люблинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Очерки городского права¹⁾.

§ 3.

Отвѣтственность города за дѣйствія его органовъ.

П.

Понятіе власти извѣстно какъ публичному, такъ и частному праву. Наличность этого элемента находятъ не только въ правахъ вещныхъ и семейныхъ, но и въ правахъ обязательственныхъ, въ т. н. правѣ требованія. Объектомъ требованія является будто бы именно личность должника, и существо его заключается во власти принужденія послѣдней²⁾. Поэтому права тре-

бованія или обязательственные приравниваются къ правамъ семейственнымъ, и разница между ними усматривается лишь въ способѣ ихъ происхожденія. Доказательства этого видятъ въ правѣ предъявленія кредиторомъ иска съ одной стороны и въ обязанности отвѣтчика вступить въ отвѣтъ по иску съ другой, въ правѣ истца на присужденіе и, наконецъ, въ принудительномъ исполненіи, которому подвергается рѣшеніе гражданскаго суда. Но взгляды этотъ является неправильнымъ. Между правами вещными и семейными съ одной стороны и правами требованія съ другой существуетъ принципиальная разница. Вещное право есть право воздѣйствовать на опредѣленную вещь. Право же требованія есть право на чужое дѣйствіе. Право вещное состоитъ въ правѣ управомоченнаго самому дѣйствовать, право же требованія заключается въ обязанности другого лица, должника, въ правѣ на то, чтобы должникъ дѣйствовалъ. Вотъ почему осуществленіе права требованія возможно не посредствомъ собственнаго дѣйствія кредитора, а лишь путемъ принятія дѣйствія должника (платежа). Больше того. Всякое собственное дѣйствіе кредитора, одностороннимъ образомъ реализующее право требованія, является превышеніемъ его, т. е. правонарушеніемъ въ отношеніи должника. Въ отличіе отъ вещнаго права, всякое дѣйствіе кредитора въ сферѣ отношеній обязательственныхъ, направленное на полученіе вещи, является не овладѣніемъ вещью, а преломленіемъ чужой воли, т. е. не осуществленіемъ своего гражданскаго права, а самоуправствомъ, присвоеніемъ себѣ публично-правовой власти, противозаконнымъ, а потому и наказуемымъ. Не составляя права на самостоятельное дѣйствіе, право требованія не заключаетъ въ себѣ также права принуждать должника къ платежу. Не является такимъ принужденіемъ и предъявленіе иска кредиторомъ. Обязанность отвѣчать по предъявленному иску, если-бы таковая и существовала, не есть вовсе частно-гражданская обязанность. Она лежитъ на отвѣтчикѣ и по отношенію къ иску неправильному и ложится на него, какъ на подданнаго государства, въ силу поставленной публичнаго права, а не какъ на должника даннаго кредитора¹⁾.

(Macht) кредитора заключается въ правѣ требованія отъ должника дѣйствія и бездѣйствія, въ притязаніи, которое по общему правилу можетъ быть осуществлено путемъ иска. Имѣя въ виду это притязаніе, лицо должника можно назвать объектомъ требованія". Въ этомъ же смыслѣ Regelsberger, Pandekten, I, 1883, стр. 358: „человѣкъ является предметомъ правового господства въ сферѣ отношеній семейныхъ и обязательственныхъ“.

¹⁾ Въ современномъ правѣ искъ обращается не къ отвѣтчику о томъ, чтобы онъ исполнилъ обязательство, а къ государству съ просьбой предоставить истцу правовую защиту. Истецъ вообще не имѣетъ права на то, чтобы отвѣтчикъ вступилъ съ нимъ въ процессъ; въ отношеніи отвѣтчика онъ имѣетъ лишь то право, которое вытекаетъ изъ ихъ гражданско-правового отношенія. Объ обязанности вступить въ отвѣтъ по иску, если бы таковая по современному процессу и существовала,

¹⁾ См. „Право“, № 24.

²⁾ Въ новѣйшее время см. А. v. Tuhr, Der allgem. Teil d. D. burg. Rechts, Bd. I, 1910, стр. 140. „Власть

Столь же неправильнымъ представляется взглядъ на предъявленіе иска, какъ на осуществленіе матеріальнаго права на присужденіе. Какъ сказано уже, право иска не есть право на собственное дѣйствіе, а право на дѣйствіе чужое, въ данномъ случаѣ на дѣйствіе судебное. Но право это не всегда принадлежитъ истцу, такъ какъ судья не передъ стороною, а —силою публичнаго права—передъ общежитіемъ обязанъ вынести справедливое рѣшеніе. Право на присужденіе вообще не является послѣдствіемъ гражданскаго права, такъ какъ наличность послѣдняго составляетъ условіе, но не причину присужденія. При противныхъ истинахъ признаніяхъ отвѣтчика, или въ случаяхъ заочнаго рѣшенія матеріальная правота истца не является для присужденія съ отвѣтчика необходимою, а при недостаткѣ доказательствъ или другомъ упущеніи процессуальныхъ требованій она не является и достаточною. Обязанность судьи присудить имѣетъ свои процессуальныя, т. е. публично-правовыя условія. Право искать остается однимъ и тѣмъ же, независимо отъ того, правъ ли матеріально истецъ, или нѣтъ. Право иска не содержится въ гражданскомъ правѣ. Предъявленіе иска возможно для кредитора не въ силу его права требованія, а въ силу публичнаго права¹⁾. Начавъ процессъ противъ должника, кредиторъ не совершаетъ ни одного дѣйствія, которое вытекало бы изъ права требованія. Должника принуждаетъ не власть кредитора, а власть публичнаго права, законъ. Полная ясность этого обнаруживается изъ существа понудительнаго исполненія и изъ отношенія его къ существу гражданскаго права. Понудительное исполненіе есть преодоленіе свободной, не подчиненной частной власти, воли съ цѣлью отвращенія совершившагося правонарушенія. Гражданское право не заключаетъ въ себѣ принудительнаго принужденія. Собственноручное исполненіе есть, какъ уже сказано, запрещенное самоуправство, т. е. не осуществленіе своего гражданскаго права, а превышеніе его. Гражданскіе законы не предоставляютъ права воздѣйствовать на волю неподвластнаго лица, и право требованія не заключаетъ въ себѣ

права принуждать волю должника къ исполненію. Вотъ почему и нужно предъявить искъ, т. е. призвать государственную власть для того, что бы она осуществила право. Государственная власть есть въ то же время и власть понудительнаго исполненія, ибо только она является властью надъ свободными людьми, надъ волею ея подданныхъ¹⁾. Публичная власть потому и призывается, что гражданское право надъ личностью противника безсильно. Права обязательственныя не заключаютъ въ себѣ, такимъ образомъ, права власти, т. е. права надъ личностью челоуѣка и надъ его волею. Въ этомъ они составляютъ прямую противоположность правамъ семейственнымъ, въ которыхъ сохранился элементъ власти, не исключаящій однако отвѣтственности за злоупотребленіе ею.

могла бы идти рѣчь лишь въ отношеніи государства, но не въ отношеніи истца. См. Söhm, Der Begriff d. Forderungsrechts. Grunhuts Zeitschrift f. Priv. u. Oef. R., Bd. 4, 1877, стр. 457 и слѣд.; Bulow, Civilprozessualische Fiktionen u. Wahrheiten, Archiv f. civ. Praxis, т. 62 (1879), стр. 11 и слѣд.; Гольмстенъ, Принципъ тождества въ гражд. процессѣ. Юридическія изслѣдованія и статьи, 1894, стр. 253 и слѣд.; Laband, Staatsr. d. D. R., т. III, 1913, стр. 374; R. Schmidt, Lehrb. d. D. Zivilprozessrechts, 1906, стр. 396 и сл.

¹⁾ Публично-правовое притязаніе къ государству о правоохранѣ необходимо отличать какъ отъ частно-гражданскаго притязанія къ противнику, такъ и отъ чисто фактической возможности предъявить въ судъ искъ, лишенный всякаго матеріальнаго основанія. Ср. Laband, 373 и выше; затѣмъ Jellinek, System d. subject. öff. Rechte, 1905, стр. 126 вын.; R. Schmidt, Prozessrecht u. Staatsrecht, 1904, стр. 22 и слѣд.; его-же, Lehrb. d. Zivilprozessr., 1906, стр. 396 и сл.

Присущая какъ семьѣ, такъ и государству власть есть, несомнѣно, возможность одностороннимъ образомъ опредѣлять чужую волю, т. е. обязывать эту волю помимо ея на то согласіе. Иначе говоря, власть государства есть право повелѣвать и принуждать свободныхъ людей къ дѣйствіямъ или бездѣйствію. Но въ современномъ государствѣ власть является не произвольной, а опредѣленной нормами права; государство не можетъ ни преципировать, ни воспретить что-либо гражданамъ иначе, какъ на основаніи нормы права. Въ такіе законы имѣютъ дѣло съ ограниченіемъ власти. Они устанавливаютъ правила о существѣ и границахъ того воздѣйствія, которое государство можетъ оказывать на лицо и имущество своихъ подданныхъ, а съ другой стороны обезпечиваютъ сферу, которая отъ такихъ вторженій свободна. Совокупность всѣхъ этихъ нормъ и опредѣляетъ юридическое содержаніе государственной власти; какъ оно фиксировано положительнымъ правомъ опредѣленнаго государства въ данный историческій моментъ. Потенціально всемогущество государства относится поэтому лишь къ органамъ законодательства, которые впрочемъ уже при первой попыткѣ осуществленія власти вынуждены установить ея границы. Лежащая на гражданинѣ обязанность повиновенія не является поэтому въ современномъ государствѣ безпредѣльной, такъ чтобы объемъ ея могъ опредѣляться усмотрѣніемъ органовъ государства. Это не можетъ имѣть мѣста даже въ случаяхъ крайней необходимости; въ современномъ государствѣ нельзя говорить объ *jus emittens* его, которое въ случаѣ крайности дѣлало бы гражданина государственнымъ рабомъ; во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ права государственной власти надъ отдѣльнымъ лицомъ установлены нормами права, а потому и ограничены. Это правило не знаетъ исключеній и находитъ себѣ примѣненіе не только къ требованіямъ объ исполненіи финансовыхъ и военныхъ повинностей, но ко всѣмъ вѣдѣніямъ и запрещеніямъ государства.

¹⁾ Ср. R. Schmidt, Lehrb. d. Zivilprozessr., 1906, стр. 376.

Содержаніе власти государства въ конкретномъ случаѣ, какъ и содержаніе всякаго иного невластнаго юридическаго отношенія опредѣляется принадлежащими государству правами и лежащими на гражданахъ обязанностями. Эта власть ни въ чемъ иномъ и выразиться не можетъ, какъ въ предоставленіи права или въ возложеніи обязанности, ибо тѣми и другими и исчерпываются взаимныя отношенія государства къ своимъ поданнымъ и обратно. Между произволомъ и правоотношеніями нѣтъ середины. Обязанность же вознагражденія за убытки обусловливается главнымъ образомъ не содержаніемъ того или другаго нарушеннаго права, а фактомъ его нарушенія. Нѣтъ поэтому основанія, дѣлая отвѣтственнымъ государство за нарушеніе всякаго права, независимо отъ его содержанія, освобождать его отъ такой отвѣтственности въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ его органы, дѣйствуя въ качествѣ органовъ власти, повелѣваютъ или запрещаютъ, нарушая законныя для этого условія и предѣлы. Тождественность дѣйствія органа съ дѣйствіемъ самого государства или города не подвергается сомнѣнію вслѣдствіе одного того, что дѣйствіе является публично-правовой функціей. Проводить различіе въ дѣйствіяхъ органа въ зависимости отъ того, дѣйствовали ли государство или городъ какъ казна или какъ власть, нѣтъ поэтому никакого основанія, такъ какъ государство и городъ ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ не мѣняютъ своей природы юридическаго лица. Если въ качествѣ субъектовъ публичной власти государство или городъ навлекаютъ на себя частно-гражданское обязательство возмѣщенія убытковъ, то въ качествѣ государственной или городской казны они должны обязательство это исполнить¹⁾. Къ тому же, раздѣленіе должностныхъ лицъ по ихъ дѣятельности въ осуществленіи публичной власти и въ частно-гражданской области не можетъ быть рѣзко проведено. Отдѣльныя учрежденія, какъ напр. суды и учрежденія административныя, дѣйствуютъ преимущественно въ публично-правовой области; другія же, какъ учрежденія почтовые, желѣзнодорожныя, горнопромышленныя, фабричныя, лѣсныя и строительныя, осуществляютъ свою дѣятельность преимущественно въ частно-гражданской области. Но и въ учрежденіяхъ, принципиально дѣйствующихъ въ осуществленіе ввѣренной имъ публичной власти, постоянно обнаруживаются и чисто экономическія задачи, какъ приобрѣтеніе имущества, освѣщеніе, отопленіе, сохраненіе въ чистотѣ присутственныхъ помѣщеній и т. п. Съ другой стороны, учрежденіямъ,

на которыхъ лежитъ главнымъ образомъ забота о задачахъ хозяйственныхъ, поручаются часто акты власти, которые стоятъ въ нѣкоторой связи съ особымъ родомъ ихъ дѣятельности, какъ напр. функціи полицейскія. Часто трудно провести между этими различными сферами дѣятельности точную границу.

Но если въ содержаніи власти и вытекающихъ изъ нея полномочій нѣтъ ничего, что освобождало бы государство отъ отвѣтственности за убытки отъ неправильныхъ дѣйствій, то еще менѣе основаній имѣется для того, чтобы вывести безотвѣтственность государства изъ особаго характера отношеній, въ которыхъ оно состоитъ къ этимъ органамъ, пользуясь ими при осуществленіи актовъ власти, ибо отношенія его къ этимъ органамъ остаются такими же, какъ и отношенія къ прочимъ его органамъ, которыми государство пользуется въ своихъ невластныхъ правоотношеніяхъ къ поданнымъ и другимъ лицамъ. Приверженцы критикаемаго здѣсь взгляда не доказали, да и не сдѣлали попытки доказать, почему за правонарушительныя дѣйствія своихъ органовъ государство не отвѣчаетъ, когда оно выступаетъ въ роли власти, и почему за такія же правонарушительныя дѣйствія оно отвѣчаетъ, когда выступаетъ въ роли физика, т. е. субъекта имущественныхъ правъ. Нельзя же считать достаточнымъ и убѣдительнымъ указаніе на то, что „въ дѣлахъ частно-правовыхъ государство должно отвѣчать потому, что иначе съ нимъ не стануть заключать договоръ, или же контрагенты казны, учитывая впередъ возможные убытки, будутъ возвышать на все цѣны,—а въ области публично-правовой установить отвѣтственность казны за каждое неправильное распоряженіе каждаго чина полиціи, за каждое неправильное рѣшеніе,—это, согласно установленнымъ взглядамъ, значило бы въ самый непродолжительный промежутокъ времени довести государство до полного банкротства“. Въ дѣлахъ частныхъ государство отвѣчаетъ вовсе не потому, что иначе съ нимъ не стануть заключать договоры или будутъ возвышать цѣны, а потому, что государство есть юридическое лицо, т. е. лицо, въ юридическомъ смыслѣ этого слова правоспособное и дѣеспособное. Но если государство остается, какъ это и не можетъ быть иначе, юридическимъ лицомъ и въ сферѣ отношеній публично-правовыхъ, то оно и здѣсь должно отвѣчать, хотя бы это было для него убыточнымъ. То же самое нужно сказать и о городѣ.

М. Горенбергъ.

¹⁾ По поводу цитированныхъ §§ 31 и 89 герм. гражд. улож. Гирке правильно замѣчаетъ, что если они „выражаютъ юридическій принципъ, вытекающій изъ существа юридическаго лица, то этотъ принципъ не отпадаетъ вслѣдствіе одного того, что органъ, посредствомъ котораго юридическое лицо совершило обязывающее къ возмѣщенію вреда дѣйствіе, находился при этомъ въ состояніи осуществленія публичной власти“. Haftung d. Staates u. d. Gemeinden für Beamte. Verhandl. d. 28 D. Juristentages. 1905, Bd. I, стр. 138.

¹⁾ Понятіе юридическаго вмѣненія съ устраненіемъ психологическихъ элементовъ пытается выяснять въ новѣйшее время Kelsen, Hauptprobleme der Staatsrechtslehre, 1911, стр. 71 и слѣд., 135 и сл. Его же, Ueber Staatsunrecht, Zeitschr. f. Priv. u. Oef. R. d. Gegenwart, т. 40 (1913), стр. 18 и слѣд.

Положение о страховании рабочих и профессиональных болѣзни.

Уже изданныя 2 июня 1903 г. Правила о вознаграждении увѣчных рабочих стали базировать ответственность предпринимателей предъ увѣчными рабочими не на общегражданскомъ основаніи (ст. 684 т. X ч. 1), а на признаніи специальныхъ взаимоотношеній между рабочими съ одной и владѣльцами фабрикъ и заводовъ съ другой стороны. Съ изданіемъ указанныхъ Правилъ, наше законодательство приблизилось къ западноевропейской точкѣ зрѣнія, согласно коей опасность несчастныхъ случаевъ, происходящихъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ, вытекаетъ изъ самой природы производства въ этихъ послѣднихъ, и что связанный съ таковой опасностью рискъ цѣлесообразно и справедливо, въ общегосударственныхъ интересахъ, возложить на владѣльцевъ указанныхъ предпріятій. Мы говоримъ, что наше законодательство лишь приблизилось къ упомянутой точкѣ зрѣнія, потому, что Правила 2 июня 1903 г. не отрѣшились отъ понятія вины въ юридической конструкціи ответственности работодателей въ отношеніи увѣчныхъ рабочихъ. Отказавшись принципиально отъ обоснованія этой ответственности на 684 ст. зак. гражд., законъ 2 июня 1903 г. сохранилъ однако правило, по которому потерпѣвшій отъ увѣчья рабочій теряетъ право на вознагражденіе въ томъ случаѣ, если будетъ установлена съ его стороны грубая неосторожность, повлекшая несчастный случай и увѣчье.

Новый законъ о страхованіи рабочихъ устранилъ этотъ логическій дефектъ и провозгласилъ ответственность промышленной буржуазіи за увѣчья рабочихъ, какъ естественное послѣдствіе возложенія на нее риска, связаннаго съ современной организаціей производства; только злой умыселъ потерпѣвшаго рабочаго освобождаетъ страховое товарищество отъ ответственности за несчастный случай.

Но, сдѣлавъ указанный шагъ впередъ по сравненію съ Правилами 2 июня 1903 г., новый законъ не исчерпалъ тѣхъ возможностей, которыя открываетъ и постулируетъ основной принципъ, на коемъ этотъ законъ построенъ.

Прежде всего, мы укажемъ мимоходомъ на то обстоятельство, что хотя профессиональный рискъ, по мысли законодательныхъ учреждений, долженъ быть возложенъ на промышленную буржуазію, практически послѣдняя дѣлитъ этотъ рискъ съ рабочими. Правда, формально рабочіе не участвуютъ своими взносами въ расходахъ по страхованію отъ несчастныхъ случаевъ, что прямо выражено въ ст. 8 Положенія, и съ перваго взгляда можетъ показаться, будто промышленная буржуазія, въ лицѣ страховыхъ товариществъ, безраздѣльно несетъ на себѣ профессиональный рискъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что, согласно ст. 21 Положенія, въ случаѣ постоянной утраты трудоспособности, пенсія пострадавшему назначается въ размѣрѣ двухъ третей его годового содержанія.

Другими словами, работодатель возмѣщаетъ рабочему не весь убытокъ, вызванный несчастнымъ случаемъ, отъ котораго тотъ пострадалъ, а лишь двѣ трети этого убытка, и, страхуя рабочихъ отъ увѣчій, такъ или иначе связанныхъ съ работами въ его предпріятіи, оставляетъ на страхъ самихъ страхуемыхъ третью часть своего риска. При такихъ условіяхъ, врядъ ли можно говорить о томъ, что промышленная буржуазія несетъ весь профессиональный рискъ, вытекающій изъ современной постановки работъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ, и что рабочіе не принимаютъ участія въ своемъ собственномъ страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ.

Повторяя въ общемъ, по вопросу объ опредѣленіи размѣра страхового вознагражденія, основныя черты закона 2 июня 1903 г., Положеніе о страхованіи рабочихъ дѣлаетъ и въ этой области шагъ впередъ, именно: въ нѣкоторыхъ случаяхъ (сумасшествіа, полной потери зрѣнія, потери обѣихъ рукъ и ногъ или полной беспомощности) оно предписываетъ назначить рабочему вознагражденіе въ размѣрѣ полного его годового содержанія. Но указанные исключенія не измѣняютъ принципиальной позиціи законодательства по затронутому вопросу, а эта позиція скрываетъ глубокое противорѣчіе. Въ докладѣ комиссіи Государственной Думы по рабочему вопросу приводится слѣдующее соображеніе, какъ социальное-политическое обоснованіе установленія обязательнаго страхованія: „Съ общественной точки зрѣнія расходы на содержаніе потерявшихъ трудоспособность рабочихъ относятся къ числу издержекъ производства, подобно расходу на страхованіе зданій и товаровъ, потерямъ отъ порчи матеріаловъ и т. п. Поэтому и такъ какъ каждое промышленное заведеніе должно само вполне покрывать все свои издержки по производству, было признано необходимымъ расширить общегражданскую обязанность предпринимателей отвѣчать за причиненіе ущерба“¹⁾. Такимъ образомъ, наше законодательство какъ будто стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что расходы по страхованію рабочихъ должны быть отнесены къ числу издержекъ производства и, какъ таковыя, оплачиваться промышленной буржуазіей, а между тѣмъ оно заставляетъ увѣчныхъ рабочихъ оплачивать третью часть этихъ расходовъ, т. е. оно заставляетъ рабочихъ нести часть издержекъ производства, которыя, по его же признанію, должны вполне покрываться изъ средствъ предпринимателей.

Параллель между страхованіемъ рабочихъ и страхованіемъ имуществъ какъ будто даетъ поводъ къ переложенію на рабочихъ части того страхового риска, который законъ считаетъ нужнымъ возложить на работодателей. Страховщикъ, желая побудить страхователя къ осторожному обращенію съ застрахованнымъ имуществомъ, нерѣдко оставляетъ на его страхъ часть стоимости послѣдняго, такъ

¹⁾ Баронъ А. М. Нолькенъ. Законъ о страхованіи рабочихъ, стр. 114.

что, въ случаѣ уничтоженія имущества, страхователь получаетъ страховое вознагражденіе въ суммѣ не всей оцѣнки имущества, а лишь соответствующей ей части. Но обычно страхователь соразмѣрно увеличиваетъ оцѣнку страхуемаго имущества, благодаря чему на его страхѣ остается лишь та сумма, на которую онъ повысилъ оцѣнку; страховщикъ при этомъ получаетъ повышенную страховую премию, и сдѣлка улаживается къ удовлетворенію обѣихъ сторонъ. Рабочіе не могутъ прибѣгать къ подобной комбинаціи и они вынуждены мириться съ навязаннымъ имъ рискомъ.

Это мимоходомъ. Намъ здѣсь интересуется вопросъ объ отношеніи новаго закона къ профессиональнымъ болѣзнямъ.

Какъ мы видѣли, комиссія Государственной Думы по рабочему вопросу исходила изъ того положенія, что промышленная буржуазія должна собственными средствами страховать примѣняемую ею рабочую силу, и что расходы по сему страхованію должны быть отнесены къ издержкамъ производства. Естественно-необходимымъ выводомъ изъ этого исходнаго пункта является признаніе, что промышленная буржуазія обязана принять на себя содержаніе рабочихъ, потерпѣвшихъ не только отъ увѣчій, которыя произошли вслѣдствіе несчастнаго случая, но и отъ профессиональных болѣзней.

Въ литературѣ и практикѣ не наблюдается единомыслія въ опредѣленіи понятія „несчастный случай“. Одни подъ несчастнымъ случаемъ разумѣютъ появленіе въ организмѣ рабочаго заболѣваній въ связи съ работами предпріятія, подводя подъ эту категорію въ равной мѣрѣ и увѣчье, полученное рабочимъ вслѣдствіе, скажемъ, взрыва парового котла, и результатъ отравленія фосфоромъ или туберкулезъ, развившійся у рабочаго вслѣдствіе постоянного пребыванія въ пыльной атмосферѣ. Другіе, наоборотъ, проводятъ различіе между несчастнымъ случаемъ въ тѣсномъ смыслѣ слова и постоянными вредными вліяніями работъ даннаго производства, мотивируя такое различіе тѣмъ, что несчастный случай характеризуется неожиданностью своего проявленія, въ то время какъ характернымъ признакомъ постоянныхъ вредныхъ вліяній опредѣленныхъ производствъ является ихъ неизбѣжность. Какъ бы, однако, ни опредѣлялось понятіе несчастнаго случая, послѣдователи обѣихъ взглядовъ входятъ въ признаніе того обстоятельства, что и увѣчья, происшедшія отъ несчастныхъ случаевъ въ собственномъ смыслѣ, и профессиональныя болѣзни, являющіяся результатомъ неизбѣжныхъ вредныхъ условій даннаго производства, находятся въ причинной связи съ работами промышленныхъ предпріятій. А этого вполне достаточно, чтобы, опираясь на вышеприведенное исходное положеніе комиссіи Государственной Думы по рабочему вопросу, постулировать распространеніе обязательства промышленной буржуазіи относительно страхованія рабочей силы также и на рабочихъ, потерпѣвшихъ отъ профессиональных болѣзней.

По вопросу о томъ, должно-ли сосредото-

ваться страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ и отъ профессиональных болѣзней въ однихъ и тѣхъ-же учрежденіяхъ, или оба эти вида страхованія целесообразно организовать раздѣльно,—опять-таки взгляды расходятся. По мнѣнію однихъ, въ виду принципиальной однородности обѣихъ видовъ страхованія, нѣтъ основаній для приурочиванія ихъ къ различнымъ учрежденіямъ; другіе же находятъ, что практическія соображенія требуютъ въ данномъ случаѣ раздѣльной организаціи. Англійское законодательство, повидимому, склоняется къ первой изъ указанныхъ точекъ зрѣнія: по закону 21 декабря 1906 г., шесть особо поименованныхъ профессиональных болѣзней причислены къ области несчастныхъ случаевъ, причѣмъ статсъ-секретарю предоставлено было право по своему усмотрѣнію распространить этотъ законъ на другія подобныя же болѣзни, что впоследствии и было сдѣлано включеніемъ въ первоначальный списокъ шести еще 18 профессиональных болѣзней. И въ Англии одна и та же организація вѣдаетъ оба вида страхованія. Наоборотъ, въ Германіи для страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и отъ инвалидности (включая сюда и профессиональныя болѣзни) существуютъ различныя учрежденія. Отмѣтимъ, что и англійское и германское законодательство дѣлаютъ различіе между тѣмъ, что называется несчастнымъ случаемъ въ собственномъ смыслѣ, и профессиональными болѣзнями. Первое показало это, найдя нужнымъ специально оговорить включеніе профессиональных болѣзней въ область страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, ибо если бы между этими двумя категоріями не существовало различія, не было бы надобности въ подобной оговоркѣ,—такое включеніе разумѣлось бы само собой; второе же явно проявило указанное различіе установленіемъ различныхъ формъ для обѣихъ видовъ страхованія.

Нашъ законъ о страхованіи рабочихъ въ основныхъ чертахъ своихъ представляетъ собой заимствованіе изъ германскаго страхового законодательства. И такъ какъ оба законодательства, и наше и германское, исходятъ изъ одной и той же посылки, характеризующей отвѣтственность буржуазіи въ отношеніи страхованія рабочей силы,—нужно было бы ожидать, что и у насъ, одновременно съ положеніемъ о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, будетъ издано положеніе о страхованіи ихъ и отъ профессиональных болѣзней, какъ это имѣло мѣсто въ Германіи. Противъ этого могутъ, пожалуй, возразить, что въ Германіи послѣдній видъ страхованія входитъ составной частью въ общее страхованіе рабочихъ отъ инвалидности, что тамъ вопросъ ставился гораздо шире, чѣмъ въ Россіи, которая, вообще, до страхованія рабочихъ отъ инвалидности не доросла. Но въ такомъ случаѣ, чтобы оставаться послѣдовательной, Государственная Дума должна была бы, по примѣру англійскаго законодательства, опредѣленно указать, что законъ о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ распространяется также на профессиональныя болѣзни.

Если же бы она не находила возможным сдѣлать такую оговорку по поводу всѣхъ вообще профессиональных болѣзней, можно было бы и здѣсь, на манеръ Англии, перечислить, какія изъ этихъ болѣзней подводятся подъ дѣйствіе закона.

Но наше законодательство ограничило приложеніе закона о страхованіи рабочихъ только областю несчастныхъ случаевъ въ тѣсномъ смыслѣ этого понятія и, такимъ образомъ, впадо въ явную непоследовательность. Отказывая рабочимъ, потерпѣвшимъ отъ профессиональных болѣзней, въ страхованіи за счетъ предпринимателей, оно совершаетъ двойной грѣхъ: во-1-хъ, противъ логики, такъ какъ, признавая обязанность промышленной буржуазіи оплачивать своими собственными средствами издержки производства и включая въ сумму таковыхъ издержекъ расходы по содержанию потерявшихъ трудоспособность рабочихъ, оно должно бы распространить и на вышеуказанную группу рабочихъ блага страхованія, чего, однако, не сдѣлало, и, во-2-хъ, противъ справедливости, ибо допускаетъ, чтобы рабочіе, ставшіе жертвами убійственныхъ условий производства въ определенныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, владели жалкимъ нищенскимъ существованіемъ безпомощныхъ инвалидов. Этотъ грѣхъ особенно чувствуется въ настоящее время, когда общественное значеніе труда и рабочей силы рельефно подчеркивается обстоятельствами военнаго времени.

Курьезно, что косвенное подтвержденіе высказанныхъ сейчасъ соображеній мы находимъ въ законодательныхъ мотивахъ къ Правиламъ о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ 2 іюня 1903 г. Такъ, соглашаясь съ изложеннымъ въ объяснительной запискѣ Министерства Финансовъ взглядомъ, что невозможно распространять преимущества означенныхъ правилъ на рабочихъ, пострадавшихъ отъ профессиональных болѣзней, Государственный Совѣтъ высказалъ слѣдующія мысли: „Если бы разсматриваемый законопроектъ (Правила 2 іюня 1903 г.—С. Г.) былъ построенъ на началѣ обязательнаго страхованія, то не могло бы возникнуть и сомнѣнія въ необходимости распространенія его на всѣ случаи профессиональных поврежденій въ здоровьѣ, но, при положенной въ основу настоящаго узаконенія индивидуальной отвѣтственности предпринимателей, къ вопросу о названныхъ болѣзняхъ... возможно отнести только отрицательно, какъ это и дѣлается законопроектъ... Профессиональная болѣзнь является, повидимому, болѣе сходной съ наступленіемъ старости, дряхлости, чѣмъ съ полученіемъ увѣчья. Поэтому и бороться съ послѣдствіями этой болѣзни слѣдуетъ, казалось-бы, посредствомъ учрежденія вспомогательныхъ, пенсіонныхъ или иныхъ кассъ“¹⁾.

Предъ нами, съ одной стороны, категорическое утвержденіе законодательнаго учрежденія, что необходимость установленія отвѣтственности промышленной буржуазіи предъ рабочими, потерявшими трудоспособность влѣдетъ профессиональных бо-

лѣзней, въ случаѣ введенія обязательнаго страхованія рабочихъ, стоитъ вѣдъ всякихъ сомнѣній, а съ другой — краснорѣчивый фактъ изданія закона объ обязательномъ страхованіи, съ устраненіемъ отъ дѣйствія сего закона означенной группы рабочихъ.

Тутъ совершенно ясно и отчетливо проявилось вліяніе классового состава законодательныхъ учреждений, вводящихъ новый законъ.

Комментаторъ закона о страхованіи рабочихъ — баронъ А. М. Нолькенъ — пытается найти выходъ изъ неудобнаго положенія путемъ толкованія ст. 13 этого закона, но врядъ ли такая попытка можетъ быть признана удачною. Согласно сему толкованію, подъ дѣйствіе ст. 13 закона о страхованіи рабочихъ подходятъ какъ „несчастные случаи въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. случаи, когда грозящая въ самой работѣ и условіяхъ ея производства опасность проявилась во вѣдшемъ событіи, воздѣйствовавшемъ зловердно на здоровье рабочаго или лишившемъ его жизни“¹⁾, такъ и профессиональные болѣзни, причѣмъ свое толкованіе баронъ Нолькенъ мотивируетъ ссылкой на словесный смыслъ 13 статьи новаго закона и его духъ.

Текстъ статьи таковъ: „Лица, застрахованныя на основаніи сего Положенія, получаютъ страховое вознагражденіе изъ средствъ страховыхъ товариществъ въ случаѣ утраты трудоспособности отъ тѣлеснаго поврежденія, причиненнаго несчастнымъ случаемъ, происшедшимъ при работахъ предпріятія или влѣдетвіе работъ послѣдняго. Если послѣдствіемъ такого несчастнаго случая была смерть пострадавшаго, то страховое вознагражденіе получаютъ члены его семейства, указанные въ ст. 27“.

Разбирая эту статью, комментаторъ закона приходитъ къ заключенію, что „словесный смыслъ ея текста не требуетъ вовсе наличности особаго событія, какъ результата насильственнаго воздѣйствія на организмъ силы или опасности, кроющейся въ орудіяхъ производства или въ условіяхъ производства работъ. Наряду съ поврежденіемъ тѣлеснымъ отъ несчастнаго случая, происшедшаго при работахъ предпріятія, настоящая статья подводитъ подъ дѣйствіе закона также тѣлесныя поврежденія, происшедшія влѣдетвіе работъ предпріятія. Такимъ образомъ, словесный смыслъ ст. 13 различаетъ двѣ категоріи тѣлесныхъ поврежденій. Первую категорію составляютъ тѣ поврежденія, ближайшей причиной которыхъ является несчастный случай, происшедшій при работахъ предпріятія... Вторая же категорія поврежденій также вызывается работами по производству предпріятія, ибо вѣдъ условій и обстановки, созданныхъ этими работами, они не могли бы имѣть мѣста вовсе или въ данное время и въ данномъ видѣ“²⁾.

Такое толкованіе, по мнѣнію барона Нолькена, обуславливается духомъ новаго закона, который

¹⁾ Бар. А. М. Нолькенъ. Цит. соч., стр. 122.

²⁾ Бар. А. М. Нолькенъ. Цит. соч., стр. 122. Кавычки и курсивъ его-же.

¹⁾ Бар. А. М. Нолькенъ. Цит. соч., стр. 76.

выдвигается из сопоставления послѣдняго съ Правилами 2 июня 1903 г.: „По закону 2 июня 1903 г. ответственность владѣльца предприятия за имущественный ущербъ, причиняемый работами по производству предприятия, обосновывается опасностью, которая кроется въ существѣ и условіяхъ производства работъ въ промышленныхъ заведеніяхъ, орудующихъ посредствомъ сложныхъ механизмовъ и устройствъ... Въ настоящемъ законѣ... право это (потерпѣвшаго рабочаго — С. Г.) возникаетъ помимо опасности, свойственной работѣ, ибо возмѣщается всякій имущественный ущербъ, причиняемый „работами предприятия“, но не работами по производству предприятия въ томъ смыслѣ, который придается этому выраженію въ законѣ 2 июня 1903 г. 1)“.

Итакъ, съ точки зрѣнія барона Нолькена, всякій имущественный ущербъ лица, служащаго въ извѣстнаго рода промышленномъ предпріятіи, новымъ закономъ возлагается на ответственность владѣльца предприятия, если будетъ установлено, что таковой ущербъ причиненъ пострадавшему работами этого предприятия. Отсюда нетрудно сдѣлать и дальнѣйшій выводъ, что такъ какъ профессиональныя болѣзни вызываютъ именно такой ущербъ, то дѣйствіе закона о страхованіи рабочихъ распространяется и на нихъ.

Врядъ-ли, однако, этотъ выводъ можетъ претендовать на правильность, ибо онъ построенъ на неправильной большой посылкѣ. Центральнымъ является вопросъ, дѣйствительно-ли новый законъ возлагаетъ на промышленную буржуазію ответственность за всякій имущественный ущербъ, причиненный рабочимъ работами предпріятій, какъ полагаетъ баронъ Нолькенъ, или таковая ответственность ограничивается лишь определенной областью несчастныхъ случаевъ въ тѣсномъ смыслѣ этого понятія.

Основываясь на законодательныхъ мотивахъ, а равно на анализѣ словеснаго смысла 13 ст. новаго закона, мы склоняемся къ рѣшенію поставленнаго вопроса вопреки толкованію почтеннаго комментатора.

Изъ разбора текста указанной статьи явствуетъ, что непременнымъ условіемъ получения страхового вознагражденія законъ ставитъ утрату трудоспособности отъ тѣлеснаго поврежденія, причиненнаго несчастнымъ случаемъ (курсивъ нашъ — С. Г.), и что, такимъ образомъ право рабочаго на вознагражденіе обуславливается не всякимъ вообще поврежденіемъ, а только такимъ, которое является результатомъ именно несчастнаго случая. Невозможно ни грамматически, ни логически придавать различное значеніе выраженіямъ „при работахъ“ и „въслѣдствіе работъ“ въ томъ смыслѣ, какъ это дѣлаетъ баронъ Нолькенъ, ибо оба они объединены однимъ придаточнымъ предложеніемъ, опредѣляющимъ повятіе несчастнаго случая. Говоря о томъ, что, наряду съ поврежденіемъ тѣлеснымъ отъ несчастнаго случая, происшедшаго при работахъ предпріятія, 13 статья подводитъ подъ

дѣйствіе новаго закона также тѣлесныя поврежденія, „происшедшія въслѣдствіе работъ предпріятія“, баронъ Нолькенъ приводитъ послѣднее предложеніе въ кавычкахъ и подчеркиваетъ его, какъ указано, курсивомъ. Можетъ показаться, что это предложеніе взято безъ измѣненій изъ текста разсматриваемой статьи; само собой понятно, что если бы въ означенномъ текстѣ имѣлось такое выраженіе, оно могло бы служить опорой для толкованія барона Нолькена, ибо при указанномъ согласованіи словъ „происшедшія“ и „поврежденія“ надлежало бы соответствующее мѣсто толковать въ томъ смыслѣ, что новый законъ считаетъ достаточной непосредственную связь тѣлеснаго поврежденія съ работами предпріятія помимо посредствующаго несчастнаго случая. Но въ томъ-то и дѣло, что въ 13 статьѣ сказано не „происшедшія“, а „происшедшихъ“, при чемъ это причастіе согласовано не со словомъ „поврежденія“, а со словами „несчастнымъ случаемъ“. На страницахъ 115 — 116 цитируемаго сочиненія баронъ Нолькенъ вполне резонно, но подъ совершенно инымъ угломъ зрѣнія комментируетъ выраженія „при работахъ“ и „въслѣдствіе работъ“. По закону 2 июня 1903 г. безусловно требовалась причинная связь между производствомъ предпріятій и несчастнымъ случаемъ, что выражалось словами „въслѣдствіе работъ по производству“; по новому же закону считается достаточнымъ существованіе внѣшней связи, при чемъ эта связь можетъ быть не только между техническимъ производствомъ, но вообще работами предпріятія и несчастнымъ случаемъ; поэтому въ новомъ законѣ къ словамъ „въслѣдствіе работъ“ прибавлены слова „при работахъ“, равнозначащія по смыслу выраженію „во время работъ“. Для разъясненія приведемъ примѣръ. Если бы на фабрикѣ или заводѣ возникъ пожаръ во время производства тамъ работъ, но внѣ причинной связи съ послѣднимъ, то по закону 2 июня 1903 г. предприниматель не былъ бы обязанъ вознаградить рабочихъ за полученные ими въслѣдствіе такого пожара увѣчья, между тѣмъ какъ новый законъ устанавливаетъ такую ответственность независимо отъ того, связанъ-ли возникшій пожаръ съ работами предпріятія, обуславливая эту ответственность лишь требованіемъ, чтобы данный несчастный случай произошелъ во время работъ.

Итакъ, въ вышеприведенной редакціи статья 13 не оправдываетъ утвержденія барона Нолькена, будто новый законъ различаетъ двѣ категоріи тѣлесныхъ поврежденій: съ одной стороны, поврежденія, причиненныя несчастными случаями въ тѣсномъ смыслѣ слова, а съ другой — такія, которыя находятся въ непосредственной причинной связи съ работами предпріятія. Словесный и логическій смыслъ статьи ясно говоритъ, что при отсутствіи несчастнаго случая въ собственномъ смыслѣ слова отсутствуетъ право рабочаго на страховое вознагражденіе, хотя бы онъ получилъ тѣлесное поврежденіе въслѣдствіе работъ предпріятія.

Повидимому, и баронъ Нолькенъ считается съ

1) Бар. А. М. Нолькенъ. Цит. соч., стр. 113—114.

тѣмъ обстоятельствомъ, что 13 ст. новаго закона признаеть наличность несчастнаго случая обязательнымъ условіемъ возникновенія для застрахованныхъ рабочихъ права на страховое вознагражденіе. И чтобы примирить это обстоятельство съ своимъ толкованіемъ означенной статьи, онъ толкуеть понятіе несчастнаго случая въ распространительномъ смыслѣ. Онъ задаетъ вопросомъ о томъ, употреблено ли въ разбираемой статьѣ выраженіе „несчастный случай“ въ общежитейскомъ значеніи, служа обозначеніемъ факта причиненія кому-либо вреда, или же новый законъ, подобно ст. 683 законовъ гражд., требуетъ, для наличности несчастнаго случая, особаго внѣшняго происшествія, послѣдствіями коего явилось полученіе рабочимъ тѣлеснаго поврежденія или причиненіе ему смерти. И въ результатѣ сложнаго разсужденія онъ приходитъ къ выводу, что новый законъ придаетъ выраженію „несчастный случай“ широкой общежитейскій смыслъ, при чемъ свой выводъ онъ обосновываетъ слѣдующими соображеніями: во-1-хъ, выше приведеннымъ утвержденіемъ будто словесный смыслъ 13 ст. закона не требуетъ вовсе наличности несчастнаго случая въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. особаго событія, какъ результата насильственнаго воздѣйствія на организмъ силы или опасности, кроющейся въ орудіяхъ или условіяхъ производства; во-2-хъ, ссылокъ на то, что такое толкованіе указанного выраженія не опровергается законодательными мотивами къ закону 2 іюня 1903 г., сохранившимъ свое значеніе и въ настоящее время, и въ-3-хъ, указаніемъ на вышеприведенное признаніе Государственнаго Совѣта, что при введеніи обязательнаго страхованія, послѣднее должно быть распространено и на профессиональныя болѣзни.

О первомъ изъ указанныхъ соображеній мы говорили выше. Что касается второго, то представляется весьма страннымъ, какимъ образомъ баронъ Нолькенъ, съ одной стороны, какъ будто находитъ въ означенныхъ мотивахъ косвенное подтвержденіе своего толкованія понятія несчастнаго случая, а съ другой—критикуеть эти мотивы именно по вопросу о толкованіи сего понятія. Такъ, мотивы строго отличаютъ несчастный случай, какъ причину тѣлеснаго поврежденія, дающаго пострадавшему, при условіи нарушенія его трудоспособности, право на страховое вознагражденіе, отъ причинъ, вызывающихъ профессиональныя болѣзни. И, въ качествѣ характернаго признака несчастнаго случая, выставляетъ его неожиданность, при вредномъ вліяніи на организмъ. Тутъ совершенно ясно и отчетливо проводится различіе между вреднымъ и неожиданнымъ вліяніемъ несчастнаго случая на организмъ рабочаго, съ одной стороны, и вреднымъ же, но не неожиданнымъ вліяніемъ причинъ, вызывающихъ профессиональныя болѣзни—съ другой. Указанный коренной, равно какъ и другіе второстепенные признаки баронъ Нолькенъ подвергаетъ жестокой критикѣ и приходитъ къ заключенію, что невозможно вообще изъ суммы признаковъ, характеризующихъ несчастный слу-

чай въ общежитейскомъ его значеніи, выдѣлить такой ихъ комплексъ, который былъ бы характеренъ для несчастнаго случая, въ тѣсномъ смыслѣ слова. Г. Генкинъ, на котораго ссылается баронъ Нолькенъ, такъ формулируетъ эту мысль: „мы приходимъ къ выводу, что установленіе общаго, абсолютнаго понятія несчастнаго случая, невозможно“¹⁾, и, „такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, нѣтъ абсолютнаго различія между несчастнымъ случаемъ и профессиональными болѣзнями“²⁾.

Проходя мимо разбора случайныхъ признаковъ несчастнаго случая, дѣйствительно не имѣющихъ подъ собой твердой почвы, мы вкратцѣ остановимся на критикѣ, которой подвергаетъ баронъ Нолькенъ коренной его признакъ—неожиданность. Критика эта сводится къ утверженію, что „неожиданность наступленія того или другаго событія въ юридическомъ отношеніи лишена всякаго значенія, когда невозможность предотвратить или предупредить это событіе не является обстоятельствомъ, слагающимъ съ обязаннаго лица отвѣтственность за послѣдствія событія“³⁾. Тутъ кроется явное недоразумѣніе. Прежде, чѣмъ говорить о юридическомъ значеніи несчастнаго случая, нужно же опредѣлить основные его признаки. Вѣдь и до изданія правилъ 2 іюня 1903 г., т. е. до введенія въ область права, несчастный случай существовалъ, просто какъ объективное явленіе. Мы должны выявить природу этого явленія, именно для того чтобы имѣть возможность связывать его съ тѣми или иными юридическими отношеніями. И если единственный дефектъ, который баронъ Нолькенъ могъ указать въ разбираемомъ нами признакѣ несчастнаго случая, заключается въ неюридическомъ его характерѣ, то это обстоятельство способно лишь укрѣпить увѣренность въ томъ, что мы имѣемъ дѣло съ дѣйствительнымъ кореннымъ признакомъ, придающимъ явленію индивидуальныя контуры. А установивши таковыя и выявивши существо несчастнаго случая, какъ объективнаго явленія, мы уже можемъ дѣлать его предметомъ правовой обработки. И весь споръ заключается въ томъ, что мотивы къ закону 2 іюня 1903 г., равно какъ и новый законъ, выдѣляя несчастный случай по разбираемому признаку въ особую группу явленій, ограничиваютъ страхованіе рабочихъ только рамками этой группы, а баронъ Нолькенъ, отвергая этотъ признакъ и сливая указанную группу явленій съ болѣе обширной областью тѣлесныхъ поврежденій, связанныхъ съ работами предпріятій, стремится распространить страхованіе на всю эту область. Во всякомъ случаѣ, неоспоримо, что точки зрѣнія мотивовъ и барона Нолькена по затронутому вопросу диаметрально противоположны, и совершенно непонятно, въ силу какихъ соображеній баронъ Нолькенъ находитъ возможнымъ опираться на эти мотивы.

Переходимъ къ третьему пункту обоснованія

¹⁾ Д. М. Генкинъ. Понятіе несчастнаго случая въ области страхованія. „Право“, 1909 г., № 31, стр. 1708.

²⁾ Д. М. Генкинъ. Тамъ-же, стр. 1712.

³⁾ Бар. А. М. Нолькенъ, цит. соч., стр. 125.

точки зрѣнія барона Нолькена. Изъ признанія Государственнаго Совѣта, что съ установленіемъ обязательнаго страхованія само собой напрашивается его распространеніе на профессиональныя болѣзни, не слѣдуетъ, что послѣднія подходятъ подъ дѣйствіе новаго закона. Вѣдь и германское законодательство раздѣляетъ приведенный взглядъ Государственнаго Совѣта, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ Германіи для страхованія отъ несчастныхъ случаевъ и отъ профессиональныхъ болѣзней выработаны различныя статуты и установлены различныя организаціи. Да и Государственный Совѣтъ, очевидно, имѣлъ въ виду раздѣльную организацію этихъ видовъ страхованія, ибо свое разсужденіе онъ заканчиваетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: „профессиональная болѣзнь является, повидимому, болѣе сходной съ наступленіемъ старости, дряхлости, чѣмъ съ полученіемъ увѣчья. Поэтому и бороться съ послѣдствіями этой болѣзни слѣдуетъ, казалось бы, посредствомъ учрежденія вспомогательныхъ пенсійныхъ или иныхъ касекъ“¹⁾. Англійское же законодательство, занимающее противоположную позицію, какъ будто приближающуюся къ точкѣ зрѣнія барона Нолькена, сочло необходимымъ точно оговорить распространимость страхованія отъ несчастныхъ случаевъ на опредѣленные профессиональныя болѣзни, повидимому, исходя изъ того соображенія, что безъ подобнаго указанія распространеніе было бы невозможно. Последнее, въ свою очередь, объясняется тѣмъ что, какъ замѣчаетъ г. Генкинъ, на котораго ссылается баронъ Нолькенъ, „почти всѣ законодательства не причисляютъ профессиональныхъ болѣзней къ несчастнымъ случаямъ“²⁾.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, текстъ 13 ст. новаго закона не даетъ никакихъ основаній къ толкованію послѣдней подъ угломъ зрѣнія барона Нолькена. Посмотримъ, не представляется ли возможнымъ прокомментировать статью подъ этимъ угломъ зрѣнія въ связи съ соображеніями, вскрытыми внутренній смыслъ самого закона, его духъ.

Здѣсь нельзя не указать, что прежде всего статьи закона толкуются согласно ихъ словесному смыслу, и только когда сей послѣдній неясенъ и возбуждаетъ недоумѣніе, умѣстно специальное ихъ толкованіе. По нашему крайнему разумѣнію, указанная статья изложена совершенно ясно, и ея текстъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что законодательныя учрежденія имѣли въ виду возложить на предпринимателей имущественную отвѣтственность предъ рабочими въ случаѣ утраты ими трудоспособности отъ тѣлеснаго поврежденія, причиненаго несчастнымъ случаемъ, а не всякаго вообще поврежденія въ здоровьи, связаннаго съ работами предпріятія. Правда, въ редакціи этой статьи имѣются довольно существенныя измѣненія съ соотвѣтствующей статьей закона 2 іюня 1903 г., но эти измѣненія лежатъ въ совершенно другой плоскости и не даютъ основанія для толкованія барона Нолькена. Законъ 2 іюня 1903 г. дѣлаетъ

предпринимателей отвѣтственными только предъ рабочими, которые заняты работами собственно по производству предпріятія, т. е. лишь предъ техническимъ персоналомъ, и, кромѣ того, отвѣтственность предпринимателей ограничивается несчастными случаями, имѣющими мѣсто въ связи съ технической организаціей предпріятія. Новый же законъ распространяетъ указанную отвѣтственность, съ одной стороны, на всѣхъ рабочихъ предпріятія, независимо отъ характера работъ, коими они заняты, а съ другой—на всякіе несчастные случаи, происходящіе не только въ связи съ техническимъ производствомъ предпріятія, но и вообще со всѣми работами такового. Помимо сего, новый законъ расширяетъ отвѣтственность предпринимателей, сравнительно съ прежнимъ, въ томъ отношеніи, что не требуетъ причинной зависимости между несчастнымъ случаемъ и работами предпріятія. Поэтому рабочіе страхуются отъ несчастныхъ случаевъ, имѣвшихъ мѣсто не только в слѣдствіе работъ, но и при нихъ.

Однако, всѣ эти измѣненія не колеблютъ рамокъ, коими очерчивается сфера отвѣтственности предпринимателей,—индивидуальной по закону 2 іюня 1903 г. и коллективной по новому закону. И по тому и по другому эта отвѣтственность ограничивается областью проявленія несчастнаго случая въ тѣсномъ смыслѣ слова, каковая область исключаетъ профессиональныя болѣзни.

Баронъ Нолькенъ въ своемъ сочиненіи неоднократно подчеркиваетъ преемственную связь новаго закона съ закономъ 2 іюня 1903 г., при чемъ замѣчаетъ, что первый является дальнѣйшимъ развитіемъ начала, положенныхъ въ основу послѣдняго. Поскольку основныя начала прежняго закона не подверглись развитію или полному отрицанію въ новомъ законѣ, они остались въ немъ неизмѣнными. Что дѣйствіе правилъ 2 іюня 1903 г. не распространяется на профессиональныя болѣзни, объ этомъ спора быть не можетъ. И если сія характерная черта не подверглась явному измѣненію, то ясно, что она перешла въ новый законъ.

Но баронъ Нолькенъ пытается обосновать свое толкованіе однимъ изъ вышеприведенныхъ измѣненій. Какъ уже указывалось, по новому закону рабочіе страхуются отъ несчастныхъ случаевъ, происходящихъ не только въ слѣдствіе работъ предпріятія, но и при таковыхъ работахъ. Отсюда слѣдуетъ, что законъ возлагаетъ на промышленную буржуазію профессиональный рискъ въ смыслѣ отвѣтственности за всякіе несчастные случаи, независимо отъ того, связаны ли они съ опасностью, кроющейся въ технической организаціи предпріятія и въ условіяхъ работъ такового, или находятся съ ними работами лишь въ внѣшней временной связи. Замѣтимъ, что, такъ или иначе, законъ предполагаетъ наличность несчастнаго случая въ тѣсномъ смыслѣ слова, какъ необходимое условіе для возникновенія права потерпѣвшаго рабочаго на страховое вознагражденіе. По толкованію же барона Нолькена, разбираемую статью надлежитъ понимать въ томъ смыслѣ, что на предпринимате-

¹⁾ Бар. А. М. Нолькенъ. Цит. соч., стр. 131.

²⁾ Д. М. Генкинъ. Цит. статья, стр. 1711.

лей возлагается ответственность не только за вред, связанный с опасностью, которая кроется в орудиях и условиях производства, но вообще за всякий имущественный вред, связанный с работами предприятия. При этом комментатор упускает из виду, что изменение, на котором базируется его толкование, сводится к установлению ответственности промышленной буржуазии за несчастные случаи, не стоящие в причинной связи с работами предприятия, между тем как профессиональные болельщики, ради коих предпринято это сложное интерпретационное построение, даже если их сблизить с несчастным случаем, не объемлются указанным изменением, ибо они именно обуславливаются обстановкой производства.

Неосновательна и ссылка барона Нолькена на законодательные мотивы, ибо в них мы находим не подтверждение, а частью косвенное, частью прямое опровержение критикуемого нами толкования. Так, например, каким образом Государственный Совет мотивирует необходимость распространить ответственность предпринимателей, ограниченную по старому закону лишь техническим персоналом на всех служащих предприятия? Если бы Государственный Совет стоял на точке зрения барона Нолькена, он вывел бы необходимость такого распространения непосредственно из того положения, что предприниматели обязаны отвечать не только за ущерб, обуславливаемый крошечной в организации производства опасностью, но за всякий имущественный вред рабочих, связанный с работами предприятия. В действительности же Государственный Совет рассуждает так: „Даже служащие, несомненно не причастные к производству предприятия, могут пострадать от несчастных случаев наравне с рабочими, напр. при взрыве парового котла или взрывчатых веществ и вообще при значительных катастрофах. В частности приелуга, повара и т. п. служащие на судоходных предприятиях по внутренним водам, хотя и не участвуют в работах предприятия, тем не менее подвергаются приблизительно такому же профессиональному риску, как и судовые команды¹⁾“.

Ясно, что Государственный Совет связывает профессиональный риск с опасностью производства, и, очевидно, далеко от того толкования этого понятия, которое предлагает барон Нолькен.

Чтобы не оставалось никаких сомнений относительно того, что законодательные мотивы под профессиональным риском разумьют ответственность, связанную с опасностью, свойственной работам предприятия, и совершенно не подтверждают толкования барона Нолькена, мы приведем относящиеся к этому предмету соображения правительственного проекта. „Условием возникновения права на страховое обеспечение настоящий законопроект полагает, подобно закону 2 июня

1903 г., причинение застрахованному рабочему телесного повреждения или смерти „работами предприятия или вследствие таковых работ“. Приведенное выражение определяет основную идею установленной ответственности: по закону 2 июня 1903 г. предпринимателя, по настоящему закону — страхового товарищества не только за более или менее личную вину владельцев предприятий и их уполномоченных, но и за все несчастные случаи, вытекающие из опасностей, свойственных данным предприятиям“.

Странно, что эти соображения барон Нолькен приводит в доказательство правильности своего толкования.

Особенно подчеркивается в разсуждении барона Нолькена вышеприведенное мнение комиссии Государственной Думы по рабочему вопросу о том, что расходы по страхованию рабочей силы должны быть относимы к издержкам производства и должны поэтому покрываться из средств предпринимателей. Из этого основного положения с несомненностью вытекает тот вывод, который дѣлает из него барон Нолькен, именно, что раз промышленная буржуазия обязана страховать рабочую силу, то она должна быть признана ответственной не только за повреждение здоровья рабочих, являющийся последствием несчастных случаев в собственном смысле этого понятия, а вообще, за всякие повреждения, связанные с работами предприятий и отражающиеся на трудоспособности потерпевшего. Весь вопрос сводится к тому, получила ли эта точка зрения полное или только частичное выражение в законе о страховании рабочих, другими словами, исчерпывает ли новый закон организацию страхования рабочей силы в том объеме, который определяется указанным исходным положением комиссии Государственной Думы, или то, что сдѣлано новым законом, составляет лишь часть требуемой организации, которая должна быть дополнена страхованием от инвалидности. Германское законодательство, послужившее образцом для нашего закона о страховании рабочих, как известно, рѣшило этот вопрос вопреки точке зрения барона Нолькена. К такому же рѣшению, по видимому, склонялся и дореформенный Государственный Совет при обсуждении проекта закона 2 июня 1903 г., ибо, постулируя распространение ответственности предпринимателей и на последствия профессиональных болельщиков, при условии установления обязательного страхования, он высказался за раздельную организацию двух интересующих нас видов страхования.

Таким образом, и законодательные мотивы не дают толкованию барона Нолькена опорной точки.

Раздѣляя вмѣстѣ с бароном Нолькеном взгляд, высказанный комиссией Государственной Думы о том, что при современной организации промышленности профессиональный риск должен быть всецѣло возложен на промышленную буржуазію, мы, в отличие от комментатора нового закона, пола-

¹⁾ Бар. А. М. Нолькенъ. Цит. соч. стр., 7-6. Курсивъ наш.—С. Г.

гаемъ, что этотъ законъ только отчасти отвѣчаетъ указанному взгляду, регламентируя лишь страхование отъ несчастныхъ случаевъ въ собственномъ смыслѣ слова, и что вторая часть задачи, вытекающей изъ нашего основнаго положенія, остается неразрѣшенной. Толкованіе барона Нолькена создаетъ вредную иллюзію, скрывающую безотрадную дѣйствительность; принявъ ее и увѣровавъ, что новый законъ предусматриваетъ страхование и отъ несчастныхъ случаевъ и отъ послѣдствій профессиональных болѣзней, мы должны были бы признать исчерпанной задачу страхования рабочихъ и почить на лаврахъ. Но надо помнить, что на почвѣ толкованія поваго закона сталкиваются живые, и при томъ противоположные интересы, и что страховыя товарищества, какъ представители промышленной буржуазіи, не станутъ толковать этотъ законъ въ томъ распространительномъ смыслѣ, какой рекомендуется барономъ Нолькеномъ. Да и судъ, руководствуясь объективными данными, врядъ ли можетъ идти по пути такого толкованія. Что же получится? Съ одной стороны, мы убаюкаемъ себя и народное правосознаніе увѣреніемъ, что новый законъ установилъ страхование рабочихъ въ полномъ объемѣ и въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ, а съ другой — промышленная жизнь будетъ и впредь выбрасывать за бортъ толпы рабочихъ-калѣкъ, потерявшихъ свою трудоспособность влѣдствіе профессиональных болѣзней.

Прис. пов. С. М. Гликинъ.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШЕ УКАЗЫ

Правительствующему Сенату:

I.

На основаніи статьи 99 Основныхъ Государственныхъ Законовъ, Повелѣваемъ: занятія Государственной Думы прервать съ 20-го Іюня сего года, назначивъ срокомъ ихъ возобновленія 1-е Ноября 1916 года.

Правительствующій Сенатъ не оставить къ исполненію сего учинить надлежащее распоряженіе. На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

Въ Царской Ставкѣ, «НИКОЛАЙ».
18 Іюня 1916 года.

Скрѣпилъ: Предсѣдатель Совѣта Министровъ
Борисъ Штормеръ.

II.

На основаніи статьи 99 Основныхъ Государственныхъ Законовъ, Повелѣваемъ: Занятія Государственнаго Совѣта прервать съ 22-го Іюня сего года, назначивъ срокомъ ихъ возобновленія 1 Ноября 1916 года.

Правительствующій Сенатъ не оставить къ исполненію сего учинить надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

Въ Царской Ставкѣ,
20 Іюня 1916 года.

Скрѣпилъ: Предсѣдатель Совѣта Министровъ
Борисъ Штормеръ.

Собраніе узаконеній и распоряженій правительства.

№ 160 отъ 17 іюня 1916 г.

Ст. 1311. Объ учрежденіи должности Секретаря при Его Императорскомъ Высочествѣ Великомъ Князѣ Михаилѣ Александровичѣ.

Ст. 1312. Объ отмѣнѣ ограничительныхъ постановленій относительно лова воibly въ бассейнѣ Каспійскаго моря.

Ст. 1313. Объ учрежденіи городской больницы въ городѣ Казалинскѣ, Сырѣ-Дарьинской области.

Ст. 1314. Объ измѣненіи и дополненіи правилъ о продовольственномъ капиталѣ для осѣдлага населенія Туркестанскаго генераль-губернаторства и о привлеченіи къ образованію означеннаго капитала осѣдлага населенія Семирѣченской и Закаспійской областей.

Ст. 1315. Объ отмѣнѣ Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта объ обращеніи въ общій капиталъ войска Донскаго штрафовъ и денежныхъ взысканій, налагаемыхъ судебными установленіями области означеннаго войска.

Ст. 1316. О введеніи тюремной инспекціи въ Кубанской и Терской областяхъ и въ Тифлисской губерніи.

Ст. 1317. Объ измѣненіи подсудности гражданскихъ дѣлъ вѣдомства Учрежденія Императрицы Маріи и о допущеніи примиренія по симъ дѣламъ.

Ст. 1318. О разрѣшеніи льготнаго ввоза изъ за границы черезъ Петроградскую портовую таможенную безопасныхъ зажигательныхъ спичекъ.

Ст. 1319. О воспрещеніи вывоза изъ Имперіи кофе, пуха и пера, вереска во всякомъ видѣ, миткаля и бязи.

Ст. 1320. О рыболовствѣ въ коренныхъ и приточныхъ водахъ бассейна рѣки Волги и ея притоковъ выше города Саратова.

№ 161 отъ 17 іюня 1916 г.

Ст. 1321. О столовыхъ деньгахъ прапорщикамъ при занятіи ими должностей старшихъ офицеровъ батарей.

Ст. 1322. Объ утвержденіи временныхъ штатовъ отдѣловъ воздушнаго и подводнаго плавания главнаго управления кораблестроенія.

№ 162 отъ 18 іюня 1916 г.

Ст. 1323. О реквизиціонныхъ цѣнахъ на уголь и антрацитъ Донецкаго бассейна, высшихъ предѣльныхъ цѣнахъ на антрацитъ и низшихъ предѣльныхъ цѣнахъ на Донецкое топливо для поставокъ по преимущественнымъ заказамъ, исполняемымъ согласно предварительно заключенныхъ договоровъ.

№ 163 отъ 20 іюня 1916 г.

Ст. 1324. О перерывѣ и срокѣ возобновленія занятій Государственной Думы.

№ 164 отъ 21 іюня 1916 г.

Ст. 1325. Объ отчужденіи земли для надобностей военнаго вѣдомства въ городѣ Луганскѣ.

Ст. 1326. Объ отчужденіи земли подъ расширеніе площади Верхнегуринскаго казеннаго горнаго завода.

Ст. 1327. Обь отчужденіи земли для устройства при станціи "Грязи-Орловскія" Грязе-Орловской линіи Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ пакгаузовъ подь склады хлѣба для арміи.

Ст. 1328. Обь отчужденіи участка земли для надобностей военного вѣдомства изъ казачьихъ земель Области Войска Донского.

Ст. 1329. Обь утвержденіи положенія о нагрудныхъ знакахъ и значкахъ Верховнаго Совѣта, описанія и рисунковъ означенныхъ знаковъ.

Ст. 1330. Обь установленіи предѣльныхъ твердыхъ цѣнъ на пшеничную муку сортового размола мельницъ города Балахова, Саратовской губерніи и въ Пермской губерніи.

Ст. 1331. Обь учрежденіи въ составѣ Камышловской уѣздной полиціи двухъ должностей стражниковъ.

Ст. 1332. Обь установленіи на желѣзныхъ дорогахъ, на время войны, особаго сбора, въ связи съ усиленіемъ экономической регулировки грузового движенія.

№ 165 отъ 22 іюня 1916 г.

Ст. 1333. О перерывѣ и срокѣ возобновленія занятій Государственнаго Совѣта.

ХРОНИКА.

Воинскій уставъ о наказаніяхъ дополненъ слѣдующими статьями:

Ст. 127². За подговоръ или подстрекательство къ уклоненію какимъ-либо способомъ вовсе отъ военной службы виновный, хотя бы подговариваемый не только не совершилъ, но и не покушался совершить, означенное преступленіе, подвергается: лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на время отъ 4-хъ до 6-ти лѣтъ.

Ст. 127³. Во время войны, за подстрекательство, подговоръ или иное возбужденіе къ уклоненію вовсе отъ военной службы или отъ службы въ дѣйствующей арміи или отъ участія, хотя бы и временнаго, въ военныхъ дѣйствіяхъ, виновный, если дѣянія эти въ особо указанныхъ въ законѣ случаяхъ (ст. 246) не влекутъ болѣе строгихъ наказаній, подвергается: лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы отъ 4-хъ до 20-ти лѣтъ или безъ срока, или лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни. Означеннымъ наказаніямъ подлежатъ виновные въ совершеніи противозаконныхъ дѣяній, указанныхъ 127³ ст., и въ томъ случаѣ, когда дѣянія эти или покушенія на оныя не были учинены тѣмъ, кто былъ подговариваемъ, подстрекаемъ, или возбуждаемъ.

Послѣдовавшее 4-го сентября 1914 г. въ порядкѣ статьи 87 сен. гос. законовъ постановленіе о мѣрахъ, направленныхъ къ обезпеченію заготовленія въ военное время необходимыхъ для арміи и флота предметовъ и матеріаловъ

(Собр. узак. 1914 г., ст. 2372), за изыятіемъ 13 мая 1916 г. министромъ торговли и промышленности изъ Гос. Думы соответствующаго ему законопроекта, должно быть признано утратившимъ силу съ 13 мая 1916 г. Обь изложенномъ министръ юстиціи, 4-го іюня 1916 г., предложилъ прав. сенату, для распубликованія.

Финляндскій сенатъ, по судебному департаменту, оставилъ безъ послѣдствій жалобу девяти бывшихъ членовъ и служащихъ Выборгскаго гофгерихта на постановленіе выборгскаго губернатора обь исключеніи означенныхъ лицъ изъ избирательныхъ по сеймовымъ выборамъ списковъ въ виду состоявшагося о нихъ обвинительнаго приговора петроградскаго окружнаго суда по дѣлу о воспрепятствованіи примѣненію закона обь уравненіи въ правахъ съ финляндскими гражданами другихъ русскихъ подданныхъ.

Въ залѣ судебныхъ засѣданій кievскаго окружнаго суда состоялось собраніе присяжныхъ повѣренныхъ кievскаго судебного округа, созванное совѣтомъ для представленія отчета о его дѣятельности и разсмотрѣнія нѣкоторыхъ вопросовъ принципиальнаго характера. Предсѣдатель совѣта Д. Н. Григоровичъ-Барскій, открывая засѣданіе, указалъ, что, въ виду отсутствія въ учрежденіи судебныхъ установленій нормъ, регулирующихъ порядокъ созыва обычныхъ общихъ собраній адвокатовъ, кievскій совѣтъ самъ выработалъ проектъ порядка созыва такихъ собраній и установилъ кворумъ для дѣйствительности собраній въ 80 чел., что составляетъ одну пятую часть присяжныхъ повѣренныхъ округа, проживающихъ въ г. Кіевѣ.

— Слѣдовательно, — закончилъ Д. Н. Григоровичъ-Барскій, — съ точки зрѣнія принятаго совѣтомъ постановленія, общаго собранія сейчасъ нѣтъ (въ засѣданіе явилось человекъ 50). Но все-таки совѣтъ желалъ бы воспользоваться присутствіемъ многочисленныхъ товарищей и выслушать отъ нихъ одобреніе своей дѣятельности. Совѣтъ во многихъ случаяхъ чувствуетъ прямую потребность въ указаніяхъ товарищей, и существовать ему, не опираясь на одобреніе всего сословія, невозможно...

Отъ имени совѣта Д. Н. Григоровичъ-Барскій вноситъ предложеніе признать настоящее собраніе частнымъ совѣщаніемъ и перейти къ обсужденію внесенныхъ въ повѣстку вопросовъ.

Предложеніе единогласно принимается. Предсѣдателемъ совѣщанія избирается Д. Н. Григоровичъ-Барскій, секретаремъ — А. Ф. Головинъ. По выслушаніи доклада Д. Н. Григоровичъ-Барскаго о дѣятельности совѣта за періодъ его кратковременнаго существованія, отчета о состояніи финансовыхъ дѣлъ совѣта, доложеннаго казначеемъ совѣта Ф. Б. Кржижановскимъ, и проекта выработаннаго совѣтомъ наказа, сущность и основные

принципы которого охарактеризовал Я. С. Гольденвейзеръ, — собрание перешло къ обсужденію отдѣльных пунктовъ наказа, особенно близко затрагивающихъ профессиональные и сословные интересы адвокатуры, а именно: 1) о правѣ членовъ сословія требовать созыва общихъ собраний, 2) о публичности засѣданій совѣта по дисциплинарнымъ дѣламъ и о выдачѣ копии рѣшенія совѣта жалобщику и 3) о правѣ совѣта привлекать къ дисциплинарной отвѣтственности адвокатовъ, нарушившихъ постановленіе о внесеніи обязательныхъ сословныхъ сборовъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Н. Г. Вавинъ. *Завѣщательный отказъ по русскому праву. Стр. 146. Москва, 1915 г.*

„Вопросъ объ отказѣхъ по русскому законодательству является однимъ изъ самыхъ спорныхъ и трудныхъ вопросовъ дѣйствующаго права“, говоритъ въ своей книгѣ (стр. 17) г. Вавинъ, а опытъ „возсозданія института именно русскаго завѣщательнаго отказа“ (стр. 3) въ цѣломъ представляется, тѣмъ болѣе желательнымъ и своевременнымъ, что не одно „пустое мѣсто“ (стр. 143) нашего легатарнаго права остается до сихъ поръ незаполненнымъ и практикой кассационнаго сената, лишь въ 1909 г., въ рѣш. № 40 по д. Смоленцевой, признавшаго самое существованіе у насъ института legata. Ничего нельзя возразить и противъ избираемаго г. Вавинымъ метода — сравнительно-догматическаго изслѣдованія легатарнаго права Рима и дѣйствующихъ европейскихъ законодательствъ, для „использованія... при сооруженіи зданія русскаго легатарнаго права... не забывая о томъ, что русскій легатъ можетъ отличаться своеобразиемъ... материала, санкционированнаго какъ вѣковыми традиціями, такъ и авторитетомъ новѣйшаго законодательнаго творчества“ (стр. 4). Къ сожалѣнію, правильно избираемый методъ изслѣдованія не избавляетъ самъ по себѣ отъ ошибокъ въ его примѣненіи.

Основной ошибкой г. Вавина является отсутствіе въ его сравнительно-догматическомъ изслѣдованіи одинаго понятія завѣщательнаго отказа. Г. Вавинъ изучаетъ не помиримыя различными правовыми системами формы завѣщательнаго сингулярнаго преемства, условія его возникновенія, порождаемая имъ правовыя послѣдствія и условія его отпаденія, а вопросъ о томъ, какія „наряду съ *institutio heredis* другіе виды посмертныхъ распоряженій“ (стр. 7) знало римское право и допускаютъ законодательства современной Европы. Сущность-же этихъ „другихъ распоряженій“ заключается, по мнѣнію автора, въ установленіи сингулярнаго посмертнаго преемства въ правѣ римскомъ и воспринявшихъ его конструкцію законодательствахъ австрійскомъ, итальянскомъ, германскомъ и швейцарскомъ (стр. 8—9), отождествляется съ сущностью завѣщательнаго распоряженія вообще, въ правѣ французскомъ (стр. 11—17), а въ русскомъ законодательствѣ характеризуется „посредственностью“ устанавливаемаго ими преемства, ибо „только этой формальной чертой преемства нашихъ легатарій отличается отъ наследника“ (стр. 60, 35). Между тѣмъ, совершенно очевидно, что, каковы-бы ни были формы существующихъ наряду съ *institutio heredis* другихъ видовъ посмертныхъ распоряженій объ имуществахъ, сущность ихъ только

и можетъ заключаться въ установленіи преемства сингулярнаго, и выгодопріобрѣтатель въ наследствѣ, не являющийся наследникомъ, необходимо долженъ быть преемникомъ сингулярнымъ, признаваемымъ же къ преемству не въ одномъ или нѣсколькихъ правахъ наследодателя, а въ имуществѣ его, какъ цѣломъ, или части этого имущества, какъ бы такого преемника ни называть, является не отказополучателемъ, а наследникомъ. Поэтому положеніямъ *Code Civil* о *legs universel* и *legs à titre universel*, устанавливающихъ преемство универсальное и, вопреки утвержденія г. Вавина, будто „всякое завѣщательное распоряженіе по французскому праву должно почитаться отказомъ“ (стр. 11), по причинамъ чисто историческимъ лишь называющихся *legs*¹⁾, нѣтъ мѣста тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о legataхъ въ смыслѣ техническомъ, къ которымъ во французскомъ правѣ относятся единственно *legs particuliers*. Точно также не можетъ быть выдвинуто въ качествѣ специфической черты русскаго завѣщательнаго отказа посредственный характеръ преемства легатарія. Посредственный или непосредственный характеръ легатарнаго преемства—это вопросъ объ обязательственномъ или вещномъ, т. е. виндикационномъ легатѣ. Но какъ при одной, такъ и при другой конструкціи legata, сущность легатарнаго распоряженія всегда состоитъ въ установленіи въ пользу легатарія одного или нѣсколькихъ опредѣленныхъ правъ, въ установленіи сингулярнаго преемства. И совершенно непонятно, почему сингулярный характеръ устанавливаемаго ими преемства оказывается сущностью легатарныхъ распоряженій по допускающимъ единственно „посредственный“, обязательственный, а не виндикационный легатъ законодательства германскому и швейцарскому (стр. 9, 97), а въ рускомъ правѣ на мѣсто ея выдвигается „посредственность“ преемства легатарія, и изъ этой „особенности“ русскаго легата (стр. 35, 36) дѣлается даже выводъ объ обязанности назначающаго отказъ завѣщателя прямо указывать въ завѣщаніи на установленіе не „личнаго“ и „непосредственнаго преемства“ (стр. 31-32) и на основѣ ея разрѣшается, игнорируя основныя положенія *Зак. Гр.*, рядъ вопросовъ легатарнаго права.

Непонятно также и то, какимъ образомъ, сдѣлавъ предметомъ своего изслѣдованія завѣщательный отказъ, г. Вавинъ къ числу способовъ назначенія отказа относитъ, между прочимъ, и такую чистаго типа двустороннюю сдѣлку между живыми, какъ договоръ страхованія жизни въ пользу опредѣленнаго 3-ьяго лица. Со стороны житейской, договоръ этотъ, конечно, „близокъ по своему существу съ пріобрѣтеніемъ, вытекающимъ изъ наследства (!) по опредѣленію наследодателя“ (стр. 47), но юридическая его природа ничего общаго съ природой легатарнаго распоряженія не имѣетъ, и осуществленіе 3-имъ лицомъ возникающаго для него изъ этого договора права отнюдь не является преемствомъ по случаю смерти.

Не выдвигая, т. о., цѣльнаго понятія отказа, г. Вавинъ допускаетъ, далѣе, рядъ погрѣшностей прежде всего въ изложеніи отдѣльныхъ нормъ римскаго права. Такъ, грѣшнѣе, по крайней мѣрѣ, неясностью характеристика правила *nemo pro parte testatus pro parte intestatus decedere potest* въ смыслѣ нормы, обрамляющей наследство, въ отличіе отъ понятія о немъ современныхъ законодательствъ, въ „унитарную универсальность“ (стр. 32), въ *unitas*, которая усваивалась наследникомъ единожды и вся разомъ“ (стр. 12). Ибо, нормируя единственно основанія возникновенія универсальнаго преемства, никакого отношенія къ понятію наследства правило это не имѣло. Такъ, неправильно излагается далѣе г. Вавинъ римское легатарное право, когда съ одной стороны гово-

1) См. Planiol, *Traité de droit civil*, III, p. 652.

рять, что „есть основаніе предполагать, что легатъ... возникъ ранѣе института назначеніи наследника“ (стр. 7), а съ другой утверждаетъ, что „обремененнымъ“ еще „по классическому римскому праву... можетъ явиться наследникъ по завѣщанію“ (стр. 50). Ибо, во-1-хъ, „основанія полагать, что легатъ возникъ ранѣе института назначеніи наследника“, опровергаются авторитетными историками римскаго права¹⁾, и, самъ того не замѣчая, опровергаетъ ихъ и г. Вавинъ, говоря, что „легаты могли устанавливаться только путемъ завѣщанія“, а „материальнымъ условіемъ римскаго завѣщанія считалось назначеніе въ немъ наследника“ (стр. 41); а во-2-хъ, классическому римскому праву наряду съ обремененіемъ legatum единственно наследника по завѣщанію, было хорошо извѣстно и обремененіе отказомъ въ формѣ фидеикомисса. любого вступающаго въ наследство лица (1 36 pr D. de cond. et dem. 35, 1; 1 1 § 6 D. de leg. 3).

Погрѣшности въ изложеніи римскаго права опредѣлили и ошибки изложенія г. Вавинымъ наследственнаго права современныхъ законодательствъ. Такъ, понятіе наследованія по завѣщанію въ не воспринявшихъ правила *nemo pro parte testatus* современныхъ законодательствъ оказывается отличнымъ отъ римскаго понятія завѣщательнаго универсальнаго преемства, и „въ русскихъ законахъ отсутствуетъ представленіе о наследникѣ, какъ о римскомъ *heres*“ (стр. 30). Съ другой стороны, въ постоянномъ сопоставленіи русскаго права съ римскимъ наследникъ по завѣщанію, нормируемомъ т. X ч. 1, оказывается въ книгѣ г. Вавина гораздо болѣе похожимъ на сакраментальнаго римскаго *heres institutus*, чѣмъ то допускаютъ постановленія нашихъ гр. зак. Ибо назначеніе наследника является для г. Вавина „условіемъ *sine qua non*“ нашего завѣщанія, „если только завѣщаніе не имѣетъ своею цѣлью пожертвованіе“ (стр. 41). Гдѣ усмотрѣть г. Вавинъ въ Зак. Гр. не только это правило, но и изытаніе изъ него, неизвѣстно. Но изъ этого правила выводится и снова неправильно обличается съ римскимъ правомъ и отвѣтъ на одинъ изъ основныхъ вопросовъ легатарнаго права: кого, наследника по завѣщанію или наследство какъ таковое, кто бы въ него не вступилъ, можетъ обременять отказъ? Отвѣтъ этотъ, настойчиво повторяемый г. Вавинымъ (стр. 33, 41, 52, 73—74), гласитъ: по смыслу нашихъ зак. гр. отказами можетъ быть обременяемъ только назначенный наследникъ. Съ отпаденіемъ его „теряется въ наследникъ“ (стр. 53) и право легатарія. Въ подтвержденіе сему приводится „первоисточникъ ст. 1096—Выс. утв. полож. ком. мин. по д. Демидова, имѣющее ввиду какъ разъ случай, гдѣ наследники указаны въ завѣщаніи, и положеніе ст. 1068¹⁾. Между тѣмъ, Выс. утв. пол. ком. мин. по дѣлу Демидова „какъ разъ“ никакого различія между наследниками по завѣщанію и по закону въ вопросѣ объ обремененіи ихъ отказомъ не водило, а ст. 1068¹⁾, будучи нормой исключительной, въ изытаніе изъ запретительнаго положенія ст. 1068, регулирующей одинъ изъ случаевъ завѣщаемости родового имущества, только и можетъ говорить объ отказѣ, возлагаемомъ на наследника въ этомъ послѣднемъ. А статьи 1010 и 1011, неоднократно разъясненныя и сенатомъ въ смыслъ полной дѣйствительности завѣщанія, не содержащаго назначенія наследника, подтвердили постановленія первоисточника ст. 1086, предусматривающей безъ всякихъ оговорокъ обремененіе отказомъ наследника, а, позволяють съ несомнѣнностью утверждать допустимость обремененія насъ отказомъ и наследника по закону. Съ отпаденіемъ же наслед-

ника по завѣщанію, поскольку противная воля не выражена наследодателемъ, обремененнымъ отказомъ окажется всякое вступающее въ наследство лицо (ст. 1066²⁾, 1029), наследство какъ таковое. Если „конструкція легата по русскому праву“ г. Вавина должна, т. о., считаться неправильной, то, кромѣ этого, она оказывается и бесплодной, ибо на стр. 74, въ отрицаніе всего предыдущаго, авторъ заявляетъ, что и въ случаѣ непринятія наследства наследникомъ по завѣщанію, утвержденіе завѣщанія къ исполненію „санкціонируетъ права легатарія, и онъ можетъ требовать себѣ легатарнаго предоставленія“. Эта дефектная конструкція отказа и не позволяетъ, главнымъ образомъ, несмотря на правильное разрѣшеніе г. Вавинымъ вопросовъ объ объектѣ отказа (стр. 55—52), о предѣлахъ отвѣтственности наследника передъ легатаріемъ (стр. 119 сл.), о значеніи ограниченія ст. 1086 легатарнаго обремененія предѣлами жизни наследника,—признать его книгу „возозданіемъ института русскаго завѣщательнаго отказа“.

Е. Флейшицъ.

НОВОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(10 мая—10 іюня 1916 г.).

Въ интересахъ своевременной и точной регистраціи новыхъ работъ, редакция обращается къ гг. авторамъ и издателямъ съ просьбой присылать немедленно по выходѣ экземпляръ выпускаемыхъ или сочиненій по адресу: Литейный, 28, контора газеты „Право“.

I. Общіе вопросы и исторія права. Биографіи.

В. В. Акимовъ. Рец. на „Журналы секретнаго и главнаго комитетовъ по крестьянск. вопросу“. *Ж. М. Ю.* 1916, 5.

Г. Э. Блосфельдтъ. „Законная сила“ свода законовъ въ свѣтѣ архивныхъ данныхъ *Ж. М. Ю.* 1916, 5.

Г. Ю. Манисъ. А. А. Пюнтковскій. *Ж. М. Ю.* 1916, 5.

І. А. Покровскій. Право на честь *Вѣстн. Гр. Пр.* 1916, 4.

Н. Н. Розинъ. Вл. К. Случевскій (по поводу его 50-лѣтн. юбилея). *Ж. М. Ю.* 1916, 5.

II. Судъ, адвокатура, нотариатъ.

Отчетъ о дѣятельности консультаціи прис. пов. при Петрогр. окр. судѣ за 1915 г. ПГ., 1916. 29 стр. и 3 табл.

И. В. Шерешевскій. О значеніи дѣйствій повѣреннаго, не удовлетворяющаго требованіямъ 339 и 402²⁾ ст. учр. суд. уст. *Ж. М. Ю.* 1916, 5.

А. Н. Южанинъ. Упраздненіе судебныхъ протоколовъ. *Вѣстн. Гр. Пр.* 1916, 4.

III. Судебная медицина.

Д. П. Косоротовъ. О неспособности къ брачному сожитію. *Ж. М. Ю.* 1916, 5.

IV. Гражданское и торговое право и процессъ.

В. А.—въ. Рец. на „Общій уставъ російскихъ ж. д.“ Рабиновича. *Ж. М. Ю.* 1916, 5.

П. Ананьевъ. О правѣ залогодержателя на страховое вознагражденіе *Ж. М. Ю.* 1916, 5.

Э. Э. Гей. Крестьянское завѣщаніе. *Ж. М. Ю.* 1916, 5.

¹⁾ Girard, Manuel de dr. rom., p. 910; Покровскій. Истор. р. пр., стр. 548.

А. Г. Гойхбаргъ. Государственное вознаграждение за военные убытки (Литерат. обзор.). *Вѣст. Гр. Пр.* 1916, 4.

Д. Судебный мораторіумъ для чиновъ дѣйствующей арміи. *Ж. М. Ю.* 1916, 5.

С. І. Добринъ. По поводу закона 22 апр. 1915 г. о подрядахъ и поставкахъ. *Вѣстн. Гр. Пр.* 1916, 4.

А. Д. Милютинъ. Трансфертъ, какъ способъ передачи правъ по именнымъ вкладнымъ билетамъ и обязательствамъ гос. займовъ. *Вѣстн. Гр. Пр.* 1916, 4.

Н. М. Рейнке. Составляетъ ли опекунство общественную повинность? *Ж. М. Ю.* 1916, 5.

Страховыя учреждения и отвѣтственность ихъ за пожарные убытки отъ военныхъ дѣйствій. Докладъ субъ-комиссіи кievской ком. инспекторовъ акціон. страх. обществъ. Киевъ, 1916. 22 стр.

Т. М. Яблочковъ. „Время утверждения“ (onus proferendi) въ гражданскомъ процессѣ. *Вѣстн. Гр. Пр.* 1916, 4.

V. Уголовное право и процессъ.

В. А. Рец. на „Уставъ о наказ.“ Волкова. *Ж. М. Ю.* 1916, 5.

П. Исиченко. Законодательная разработка вопроса о ростовщичествѣ. *Ж. М. Ю.* 1916, 5.

П. А. Ифландъ. Система наказаній по уголовному уложенію 1903 г. *Ж. М. Ю.* 1916, 5.

Н. П. Карачевскій. Рѣчи. 1882—1914 гг., изд. 3-е, доп., М. О. Вольфъ, 1916. VIII + 631 стр. Ц. 4 р. 50 к.

Л. Рец. на „Преступленіе и наказаніе въ математической зависимости“ Оранжиреева. *Ж. М. Ю.* 1916, 5.

Н. Мартыновъ. Уставъ военно-судный, разъяснен и доп. Изд. 12-е, кн. маг. Мартынова. ПГ., 1916. XXII + 744 стр. Ц. 6 р.

С. А. По вопросу о вліяніи Выс. указа 21 февр. 1913 г. на замѣняющее денежное взысканіе личное задержаніе обвиняемаго въ случаѣ его несостоятельности. *Ж. М. Ю.* 1916, 5.

Н. Тимашевъ. Юридическая природа уголовной отвѣтственности соучастниковъ. Изв. Изв. ПГ. полит. инст. XXIV. 1916, Стр. 99—127. Ц. 50 к.

А. Щипилло. Практика сената по вопросу о постановленіи дополнит. приговоровъ въ порядкѣ 955 ст. уст. угол. суд. *Ж. М. Ю.* 1916, 5.

VI. Административное и финансовое право.

С. М. Горяиновъ. Дополненіе (къ 12-му изд.) устава о воинской повинности, заключающее узаконеніи и пр. съ 1 іюня 1913 г. по 15 марта 1916 г. ПГ., изд. В. Березовскаго, 1916. VII + 256 стр. Ц. 2 р.

Е. Звягинцевъ. Правовое положеніе народныхъ библиотекъ за 50 лѣтъ. М., изд. кн. скл. Д. Трауцкой, 1916. 54 + 2 стр. Ц. 30 к.

Руководящія указанія пр. сената по вопросу о примѣненіи закона 25 іюня 1912 г. о призрѣніи ниж. воинск. чиновъ ПГ. 1916. 12 стр.

Сборникъ узаконеній и циркулировъ по таможенной части за 1915 г. ПГ. 1916. 20 + XCI + 167 стр.

Н. Скродзкій. Уставъ о воинск. пов. Статьи устава, доп. законодат. мотивами и пр. Изд. 3-е, Петрогр. военн. и юрид. из-ва. ПГ., 1916. XXV + 358 + 349 + 10 + 108 + стр. Ц. 4 р. 50 к.

В. Н. Твердохлѣбовъ. Финансовые очерки Вып. I. ПГ., 1916. 168 стр. Ц. 2 р.

М. И. Фридманъ. Винная монополія. Томъ II. Винная монополія въ Россіи. ПГ., 1916. — VII + 627 стр. Ц. 5 р.

VII. Церковное право.

Т. И. Буткевичъ. Устройство и управленіе римско-католической церкви вообще и въ Россіи въ частности. Харьковъ, VIII + 623 + 5 стр.

П. В. Гидуляновъ. Сущность и юридическая природа перковнаго властвованія. *Ж. М. Ю.* 1916, іюнь.

VIII. Справочники, конспекты, разное.

Алфавитный указатель лицъ, ограниченныхъ въ правоспособности и освобожденныхъ отъ ограниченія въ правоспособности. Съ 1 янв. 1915 по 1 янв. 1916. М., изд. Вѣстникъ „Права“, 1916. 71 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Дополненія къ 5-му изд. Справочника о пенсіяхъ и пр. нижнимъ воинскимъ чинамъ и ихъ семействамъ (распоряженія съ 29 іюля 1915 г. по 1-е мая 1916 г.). Тверь, изд. тверск. губ. земства, 1916. 73 стр. Ц. 10 коп.

И. В. Лагинъ. Реквизиція и секвестръ (по военному вѣдомству) ПГ., 1916. 43 стр. Ц. 40 к.

П. Малина. Приговоры и опредѣленія и ихъ исполненіе. Справочная книга для прокурорскаго надзора. Винница 1916—1913 стр. Ц. 2 руб. (См. рец. Ал. Ш. въ *Ж. М. Ю.* 1916, 5).

СУДЕБНАЯ И СУДЕБНО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРАКТИКА.

Гражданскій Кассационный Департаментъ Прав. Сената.

О примѣненіи ст. 683 т. X ч. 1 св. зак.

(См. „Право“ за 1916 г., № 9, стр. 577—579).

Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, Прав. Сенатъ, по выслушаніи заключенія товарища оберъ прокурора, (въ опредѣленіи, не подлежащемъ помѣщенію въ сборникъ рѣшеній гражд. кассац. д-та) находить, что, какъ установлено въ рѣшеніи судебной палаты, 26 августа 1912 г. на путяхъ ст. „Ташкентъ“, Средне-Азиатской жел. дор., производилась подрядчикомъ дороги Александровымъ при помощи подъемнаго крана нагрузка изъ складовъ дороги паровозныхъ скатовъ на платформы для отправки въ Нижній-Новгородъ. Во время этой работы, происходившей съ вѣдома желѣзной дороги, кранъ опрокинулся, и сорвавшаяся нѣтъ крана ударила по головѣ Александрова, который упалъ въ безсознательномъ состояніи и былъ отправленъ въ больницу, гдѣ вскорѣ и скончался. Основываясь на приведенныхъ данныхъ, судебная палата нашла, что покойный Александровъ погибъ при операніи нагрузки, и, руководствуясь ст. 683 т. X ч. 1, утвердила рѣшеніе окружнаго суда объ удовлетвореніи исковыхъ требованій вдовы покойнаго и его дѣтей. Примѣненіе къ дѣлу судебной палатой при указанныхъ условіяхъ статьи 683 т. X ч. 1 надлежитъ признавать вполне правильнымъ, ибо Прав. Сенатъ въ цѣломъ рядѣ рѣшеній разъяснилъ, что операнія нагрузки отнюдь не относится къ хозяйственной дѣятельности дороги, что она представляется дѣйствіемъ эксплуатаціоннымъ, регулируемымъ правилами технической эксплуатаціи, вслѣдствіе чего къ несчастнымъ случаямъ, происходившимъ при нагрузкѣ, должна имѣть примѣненіе не статья 681, а 683 т. X ч. 1 (рѣш. 1894 г. № 112, 1909 г. № 57, 1910 г. № 66, 1913 г. № 55 и др.). Ходатайству объ отменѣ рѣшенія палаты по нарушенію упомянутой ст. 683, проситель въ кассационной жалобѣ не указываетъ, однако, чтобы палата неправильно примѣнила эту статью закона къ обстоятельствамъ дѣла въ томъ видѣ, какъ они установлены въ обжалованномъ

рѣшеніи палаты. Проситель даетъ, съ своей стороны, этимъ даннымъ иное освѣщеніе, излагаетъ обстоятельства дѣла несогласно съ тѣмъ, какъ они установлены въ рѣшеніи палаты, и полагаетъ, что при указываемыхъ имъ обстоятельствахъ дѣла надлежало бы примѣнить къ послѣднему статью 681 т. X ч. 1. Такимъ образомъ, указаніе просителя на нарушеніе палатою ст. 683 т. X ч. 1 сводится, въ сущности, къ спору противъ установленной палатою фактической стороны дѣла, но таковая, за силою ст. 5 упр. суд. уст., не подлежитъ повѣркѣ въ порядкѣ кассационнаго производства. Хотя проситель въ концѣ своей жалобы и упоминаетъ о допущенномъ палатою „извращеніи“ данныхъ дѣла, но въ дѣйствительности ни на какое извращеніе тѣхъ или другихъ обстоятельствъ дѣла въ жалобѣ не указывается, а подъ приведеннымъ выраженіемъ „извращеніе“ проситель разумѣетъ, какъ это явствуетъ изъ собственныхъ его объясненій, неправильное, по мнѣнію просителя, „освѣщеніе“ палатою фактическихъ данныхъ дѣла, т. е. выводы палаты, относящіеся къ существу дѣла и, какъ уже сказано выше, кассационной повѣркѣ не подлежащіе. Равнымъ образомъ, согласно многократнымъ разъясненіямъ Прав. Сената (рѣш. 1897 г. № 29, 1899 г. № 61, 1900 г. № 3 и др.), оцѣнка свидѣтельскихъ показаній принадлежитъ въ цѣлѣ суду, рѣшающему дѣло по существу, и потому не можетъ подлежать обсужденію указаніе просителя на то, что показаніе свидѣтеля Хоменко, признанное палатою недостовернымъ, подтверждается показаніями свидѣтелей Озolina и Рамазана Мешеди. По приведеннымъ основаніямъ, не усматривая въ обжалованномъ рѣшеніи указываемыхъ просителемъ нарушеній закона, Прав. Сенатъ опредѣляетъ: жалобу повѣреннаго управленія желѣзныхъ дорогъ оставить безъ послѣдствій. (Дѣло № 2172—1915 г.).

ОТВѢТЫ РЕДАКЦИИ.

Подписчикамъ №№ 3456, 4107, 345
и 3692.

На окружномъ судѣ или городскомъ судѣ лежить въ настоящее время распределеніе денежной суммы не свыше 300 руб., взысканной по исполнительнымъ листамъ городского суда и недостаточной для полного удовлетворенія всѣхъ взыскателей (ст. 106 и 110² прав. провоз. суд. дѣль земл. наг. и гор. суд. изд. 1914 г.)?

На городскомъ судѣ (см. статью г. С. К. „Кодификационное недоразумѣніе“ въ № 23 „Права“ за текущей годъ).

Подписчику № 449.

Въ правѣ ли уполномоченный препоручительной надписью на вексель, при неуспѣшности взысканія, ходатайствовать объ объявленіи должника несостоятельнымъ?

Вопросъ разрѣшается въ положительномъ смыслѣ, ибо вексельное препорученіе есть особый видъ полномочія, силою коего уполномоченному предоставляется вся полнота правъ векселедержателя по защитѣ и осуществленію его кредиторскихъ правъ (ср. рѣш. 1913 г. № 58, 8 апрѣля 1915 г. № 35).

Подписчику № 4579.

Родовое имѣніе было продано собственникомъ мужеродицу, затѣмъ черезъ 3 мѣсяца куплено обратно и завѣщано, какъ благопріобрѣтенное, постороннему лицу. Можетъ ли это завѣщаніе, въ виду фиктивности купли-продажи имѣнія, быть оспорено обоими наследниками по закону?

Принадлежность недвижимыхъ имуществъ къ разряду родовыхъ или благопріобрѣтенныхъ опредѣляется формальными признаками, численными въ ст. 399 и 397 т. X ч. 1. Въ данномъ случаѣ, за силою п. 4 ст. 397, имѣніе должно считаться перешедшимъ въ разрядъ благопріобрѣтенныхъ.

Подписчику № 3950.

Законно ли требованіе сиротскаго суда объ объявленіи опекуна доставить за счетъ подопечныхъ суммъ гербовый штрафъ (п. 1 ст. 20 и ст. 169 уст. о герб. сб.) за неоплату гербовыхъ сборовъ документаль, представленнымъ опекуномъ въ сиротскій судъ въ качествѣ оправдательныхъ документовъ къ отчету по опеке?

Согласно ст. 181 уст. о герб. сб., ответственность передъ казною за неуплату или ненадлежащую или несвоевременную уплату гербоваго сбора по сдѣлкамъ, заключеннымъ представителемъ (договорнымъ или законнымъ) отъ имени представляемаго, лежитъ на послѣднемъ, при чемъ представляемому принадлежитъ, при извѣстныхъ условіяхъ, право регресса къ представителю въ убыткахъ, причиненныхъ ему вслѣдствіе несоблюденія представителемъ правилъ о гербовомъ сборѣ. Вопросъ разрѣшается поэтому въ положительномъ смыслѣ.

Подписчику № 4395.

При утвержденіи духовнаго завѣщанія, которымъ недвижимое имѣніе завѣщано одному наследнику съ обязательствомъ его уплатить въ разные сроки разныя суммы другимъ наследникамъ, могутъ ли эти послѣдніе просить о наложеніи запрещенія на завѣщанное имѣніе въ обезпеченіе исполненія воли завѣщателя о выплатѣ имъ назначенныхъ суммъ?

Вопросъ разрѣшается въ отрицательномъ смыслѣ (рѣш. 1908 г. № 83; ср. 1881 г. №№ 127 и 62).

Подписчику № 488.

При укрѣпленіи за залогодержателемъ недвижимого имущества въ протоколъ засѣданія окружнаго суда внесено заявленіе залогодержателя о томъ, что если послѣ укрѣпленія за нимъ имѣнія должникъ уплатитъ ему всю сумму долга по залого, то онъ, кредиторъ, обязуется вернуть имѣніе должнику. Можно ли на основаніи этого заявленія уничтожить данную, совершенную кредиторомъ на имѣніе, при отказѣ его, по укрѣпленіи за нимъ имѣнія, исполнить свое обязательство?

Указанное обязательство бывшаго залогодержателя лишено вещно-правового дѣйствія и въ случаѣ нарушенія его открываетъ должнику право лишь на искъ объ убыткахъ.

Подписчику № 3347.

По жалобѣ покупателя Окружнымъ Судомъ отменено постановленіе старшаго нотаріуса объ отказѣ въ утвержденіи купчей крѣпости и предписано утвердить эту купчую. Кто, кроме продавца, можетъ обжаловать опредѣленіе Окружнаго Суда?

По смыслу ст. ст. 176 и 63—63 Нот. Пол., право обжалованія въ частномъ порядкѣ дѣйствій старшаго нотаріуса по утверженію вышней актовъ принадлежить не только участвующимъ въ актѣ лицамъ, но вообще каждому лицу, права котораго нарушены тѣмъ или другимъ дѣйствіемъ ст. нотаріуса; такъ, если утверждается купчая, несмотря на лежащее на имѣніе запрещеніе, то лицо, въ пользу котораго запрещеніе наложено, въ правѣ обжаловать нарушающее его право постановленіе старш. нотаріуса (ср. рѣш. 1881 г. № 120). Если Окружнымъ Судомъ постановленіе старш. нотаріуса, какъ въ данномъ случаѣ, отмѣнено, то всѣмъ указаннымъ лицамъ принадлежить и право дальнѣйшаго обжалованія опредѣленія окр. суда (ст. 63 Нот. Пол.).

Подписчику № 513.

Въ правѣ ли отвѣтъ, просившій о привлеченіи казны по вѣдомству Министерства Земледѣлія (въ лицѣ уполномоченнаго его по закупкѣ хлѣба для нуждъ арміи по Т-ской губ.) къ участию въ дѣлѣ въ качествѣ третьяго лица на сторонѣ отвѣтчика, просить Судъ объ обезпеченіи своего обратнаго требованія на призываемомъ лицѣ въ виду уклоненія послѣдняго отъ участія въ дѣлѣ?

По смыслу ст. 1291 уст. г. суд., не допускаетъ вообще обезпеченіе предъявляемыхъ къ казнѣ требованій, внѣ особо исчисленныхъ случаевъ. Это общее правило обнимаетъ и случай, предусмотрѣнный въ ст. 659 уст. г. суд.,—почему вопросъ долженъ быть разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ.

РЕЗОЛЮЦИИ.

Гражданскій кассационный департаментъ Прав. Сената.

12 мая по 9 отд.

Отмѣнены рѣшенія по дѣламъ: Пермскаго отд. Гос. Банка 868 ст. у. г. с.; Конк. Упр. по д. Мевіуса 339 и 711 ст. у. г. с.; Еремѣева 233 ст. уст. суд. торг. и ст. 81 уст. г. суд.; Райгородскаго 233 ст. уст. суд. т.; Яковлева 233 ст. у. с. т.; Петренко 142 ст. у. г. с.; Веньковича 233 ст. у. с. т.; Кулешевой 129 и 142 ст. у. г. с.

Дѣло Аникѣенко передано на уваженіе присутствія Д-та.

Жалобы Ключева, Везнина, Безиняха возвращены.

Жалоба Вейлянда оставлена безъ разсмотрѣнія. По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

13 мая по 10 отд.

Отмѣнены рѣшенія по дѣламъ: адм. общ. военносл. Хабаровскаго гарнизона 339, 366 и 711 ст. у. г. с.; управл. жел. дор. съ тов. насл. Иванова 366 и 367 ст. у. г. с.; Русскаго стр. общ. 339 и 711 ст. у. г. с.; общ. Юго-Вост. ж. д. съ Дубровиннымъ и Бирбучукомъ 129 ст. у. г. с.; упр. Александровской ж. д. съ Лудшувейномъ 129 и 142 ст. у. г. с.

Дѣло Упр. Юго-Зап. ж. д. съ Паинымъ исключено.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

13 мая по 11 отд.

Отмѣнены рѣшенія по дѣламъ: Калининой 683 ст. I ч. X т., 339 и 711 ст. у. г. с.; Одесскаго Учетн. Банка 339 и 711 ст. у. г. с.; Пушкарева 339 и 711 ст. у. г. с.; Ванжуры 129 и 142 ст. у. г. с.; Скрытника 47 и 48 ст. зак. 14 июня 1910 г. и 129 и 142 ст. у. г. с.; Петрица 106 ст. I ч. X т.; Свиризы 95 142 ст. у. г. с.; Кіевской К. П. 1 п. 50 ст. 1 п. 51, ст. уст. герб.; Овчаренко 574 ст. I ч. X т.; Шохнющихъ 129 и 142 ст. у. г. с.

Жалобы Шторхъ и Угрюмова оставлены безъ разсмотрѣнія.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

13 мая по 12 отд.

Отмѣнены рѣшенія по дѣламъ: Кожевникова 1671 ст. I ч. X т.; опеки Усовой 893 и 895 ст. у. г. с.; Побѣгайлова 101 и 129 ст. у. г. с.; Витиса 81 и 129 ст. у. г. с.; Городецкаго 129 и 142 ст. у. г. с.; Дейнеки 1 ст. у. г. с.; Астафьева 893 и 129 ст. у.

г. с.; Гаврикова 129 и 142 ст. у. г. с.; ф. Метрополитенъ 1518 ст. I ч. X т.; Пискарева 129 и 142 ст. у. г. с.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

13 мая по 13 отд.

Отмѣнены рѣшенія по дѣламъ: Лисовенко (прекращено); Песчанкаго сельск. общ. (прекращено); Соколова 129 и 142 ст. у. г. с.; Романова 81, 82 и 142 ст. у. г. с.; Подганюковъ 142 ст. у. г. с.; Руденко 129 и 773 ст. у. г. с.; Плужниковой 169, 80 и 895 ст. у. г. с.; Кучеряваго 142 ст. у. г. с.

По дѣлу Колобова производство возобновлено. Жалобы: Шикуды, Жукова, Кравцевой оставлены безъ разсмотрѣнія.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

17 мая по 1 отд.

Отмѣнены рѣшенія по дѣламъ: Кирюхиной-Толкой 339 и 711 ст. у. г. с.; Середы 711, 867, 868 и 870 ст. у. г. с.; Корнійчука 530 и 626 ст. I ч. X т., 4, 129 и 131 ст. у. г. с.; Нижегородова 81 и 142 ст. у. г. с.; Соколова 129 и 142 ст. у. г. с.; Семеновой 73 и 142 ст. у. г. с.

Жалоба Карягина оставлена безъ разсмотрѣнія.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

17 мая по 2 отд.

Отмѣнены рѣшенія по дѣламъ: Упр. жел. дор. съ Кремьянскимъ 683 ст. I ч. X т., 711 ст. у. г. с.; съ Саркисянцъ 711 ст. у. г. с.; съ Репаломъ 129 и 142 ст. у. г. с.; съ Ликв. ком. комп. „Надежда“ 128 ст. у. ж. д.; Общ. Юго-Вост. ж. д. съ Фриданомъ 129 и 142 ст. у. г. с.; съ Гольдштейномъ 44 и 2 п. 164 ст. у. г. с.; Общ. Московско-Виндав.-Рыб. ж. д. съ Русско-Кит. тов. 129, 142 ст. у. г. с.; съ Квишь 129 и 142 ст. у. г. с.; Общ. Владик. ж. д. съ Гурвичами 129 и 142 ст. у. г. с.; съ Писсецкимъ 57 и 110 ст. у. ж. д.; Общ. Московско-Кіево-Вор. ж. д. съ Кроль 110 ст. у. ж. д.; Зимсена 36 и 37 ст. у. ж. д., 129 и 142 ст. у. г. с.; Упр. Южныхъ ж. д. съ Бѣлопольскимъ 110 ст. у. ж. д.; Варшавскаго 142 и 813 ст. у. г. с.; Гросберга и Мильгрома 68 ст. у. ж. д.

Дѣло Штута передано на уваженіе присутствія Д-та.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Списокъ лицъ, ограниченныхъ въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Поводъ къ ограниченію правоспособности, статья и номеръ сенатскихъ объявленій.	Установленіе, которое произв. публикацію.
Акціон. О-во „Т-ва Ботанъ“. Бахманъ, Иванъ Ивановичъ. Бернштейнъ, Авраамъ Айзиковъ, куп. Генераловъ, Никифоръ Игнатьевъ, мѣщ. Глазановъ, Николай Георгіевъ.	С. о. 20 Іюня № 49. Несост. дол. Р. VI, ст. 806. С. о. 20 Іюня № 49. Несост. дол. Р. VI, ст. 805. С. о. 20 Іюня № 49. Несост. дол. Р. VI, ст. 804. С. о. 16 Іюня № 48. Опек. надъ л. и им. по растр. ум. спос. Р. VII, ст. 178. С. о. 20 Іюня № 49. Опек. надъ л. и им. по растр. Р. VII, ст. 179.	Бакинск. о. с. Петроград. к. с. Петроград. к. с. Нижегородск. с. с. Петроград. с. с.
Горяиновъ, Иванъ Егоровъ. Дуфинъ, Абрамъ Яковлевъ, мѣщ. Калмыковъ, Алексѣй Николаевъ, кр.	С. о. 16 Іюня № 48. Опек. надъ л. и им. по растр. Р. VII, ст. 177. С. о. 20 Іюня № 49. Несост. дол. Р. VI, ст. 803. С. о. 20 Іюня № 49. Опек. надъ л. и им. по душ. бол. Р. VII, ст. 180.	Московск. с. с. Нижегород. о. с. Петроград. с. с.
Левенштейнъ, Овсей Моисеевъ. Общ. Лифляндскихъ Подѣздныхъ Путей. Смирновъ, Петръ Дмитріевъ, кр. Тихоненко, Игнатъ Степановъ. Трошковъ, Сергѣй Дормодонтовъ.	С. о. 20 Іюня № 49. Несост. дол. Р. VI, ст. 802. С. о. 16 Іюня № 48. Несост. дол. Р. VI, ст. 797. С. о. 16 Іюня № 48. Несост. дол. Р. VI, ст. 798. С. о. 16 Іюня № 48. Несост. дол. Р. VI, ст. 796. С. о. 16 Іюня № 48. Несост. дол. Р. VI, ст. 799.	Кіевск. о. с. Рижск. о. с. Усть-Медв. о. с. Екатерин. о. с. Барнаульск. о. с.

Списокъ лицъ, освобожденныхъ отъ ограниченія въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество и фамилія.	Статья и номеръ сенатск. объявл., гдѣ рас- публиковано объ ограниченіи правоспособн. и о прекращеніи такового.	Установленіе, которое произ- публикацію.
Гаунта, Юлій Карловъ.	С. о. 20 Іюня № 49. Прекр. дѣло о несост. (первон. публ. с. о. 1913 г. № 85) по мир. сдѣлкѣ. Р. VIII, ст. 378.	Петроград. к. с.
Гагенъ, Александръ Фридриховъ-Федо- ровъ.	С. о. 20 Іюня № 49. Прекр. дѣло о несост. (первон. публ. с. о. 1913 г. № 57) за недост. долга. Р. VIII, ст. 376.	Петроград. к. с.
Деглингъ, Паулина-Марія Иванова, купч.	С. о. 20 Іюня № 49. Прекр. дѣло о несост. (первон. публ. с. о. 1911 г. № 86) призн. неостор. Р. VIII, ст. 379.	Петроград. к. с.
Ивановъ, Петръ Александровъ.	С. о. 20 Іюня № 49. Прекр. дѣло о несост. (первон. публ. с. о. 1914 г. № 26) за прекр. претенз. Р. VIII, ст. 375.	Петроград. к. с.
Коноваловъ, Дмитрій Ильинъ.	С. о. 16 Іюня № 48. Прекр. дѣло о несост. (первон. публ. с. о. 1915 г. № 28) призн. неостор. Р. VIII, ст. 372.	Екатеринод. о. с.
Мартыновъ, Сергѣй Андреевъ.	С. о. 16 Іюня № 48. Прекр. дѣло о несост. (первон. публ. с. о. 1914 г. № 46) призн. неостор. Р. VIII, ст. 374.	Екатеринод. о. с.
Никитинъ, Акимъ Евсѣевъ, куп.	С. о. 20 Іюня № 49. Прекр. дѣло о несост. (первон. публ. с. о. 1911 г. № 9) по миров. сдѣлкѣ. Р. VIII, ст. 377.	Петроград. к. с.
Петрикъ, Никита Ивановъ.	С. о. 16 Іюня № 48. Прекр. дѣло о несост. (первон. публ. с. о. 1915 г. № 78) призн. несчаст. Р. VIII, ст. 378.	Екатеринод. о. с.

Списокъ уничтоженныхъ довѣренностей.

Кѣмъ выдана довѣренность.	Кому выдана довѣрен.	Гдѣ и когда явлена. Статья и ном. сен. объявл., гдѣ распублик. объ уничтоженіи.	Установленіе, которое произ. публикацію.
Варфоломеевой, Елизаветой Ивановой.	Шишкину, Игнатію Иванову.	С. о. 20 Іюня № 49. У Таганрогск. нотар. Пименова 21 Февр. 1915 г. № 349. Р. IV, ст. 393.	Мир. Судья 9 уч. Таганрогск. окр.
Гусевымъ, Дмитріемъ Илларионовымъ, куп.	Гусеву, Федору Дмитріеву.	С. о. 20 Іюня № 49. У Никопольск. нотар. Мазанкова 11 Дек. 1914 г. № 5983. Р. IV, ст. 395.	Мир. Судья 11 уч. Екатеринослав. окр.
Калтутинымъ, Петромъ Максимовымъ.	Калтутину, Афонасію Максиму.	С. о. 16 Іюня № 48. У Мир. о. Судьи 4 уч. Темрюкск. окр. 2 Авг. 1913 г. № 719. Р. IV, ст. 387.	Мир. Судья 1 уч. Екатеринодарск. окр.
Кухарскимъ, Іоанномъ Петровымъ.	Гржегоржевскому, Станиславу Иванову.	С. о. 20 Іюня № 49. У Минск. нотар. Ильшевича 1 Апр. 1914 г. № 3718. Р. IV, ст. 396.	У. Чл. Минск. о. с. 3 уч.
Лившицъ, Мееромъ Мордуховымъ.	Кагану, Абраму - Берку Мееръ Іоселеву.	С. о. 20 Іюня № 49. У Луганск. нотар. Губина 14 Апр. 1916 г. № 2564. Р. IV, ст. 394.	Мир. Судья 1 уч. Славяно-сербск. окр.
Лопаткиной, Маріей Игнатьевой, кр.	Косміади, Петру Константинову.	С. о. 20 Іюня № 49. У Грозненск. нотаріуса Якубенко 20 Янв. 1915 г. № 538. Р. IV, ст. 391.	Мир. Судья 3 уч. Грозненск. окр.
Розановой, Нонной Федоровой, ж. п. п. гр.	Евграфову, Василию Петрову, личн. п. гр.	С. о. 20 Іюня № 49. У Моск. нотаріуса Савицкаго 5 Мая 1915 г. № 3313. Р. IV, ст. 388.	М. ст. Мир. Судья Сушевск. уч. Острогжск. о. с.
Ряполовымъ, Даніиломъ Васильевымъ, кр.	Чернявской, Евфросиніи Ивановой.	С. о. 20 Іюня № 49. У Бирюченск. нотаріуса Гриненко 11 Марта 1912 г. № 241. Р. IV, ст. 392.	Мир. Судья 1 уч. г. Владивостока.
Струмиловскимъ, Яковомъ Іоселевымъ.	Струмиловскому, Синаю Іоселеву.	С. о. 20 Іюня № 49. Въ Россійск. Имп. Конс. въ Пиндао 15/28 Февр. 1913 г. № 135. Р. IV, ст. 389.	Мир. Судья 1 уч. г. Владивостока.
Торг. Товарищ. Бр. Ф. и А. Шемпуриныхъ.	Кашкину, Михаилу Николаеву, кр.	С. о. 20 Іюня № 49. Московск. нотар. Полонскаго 21 Дек. 1915 г. № 8762. Р. IV, ст. 397.	Моск. ст. Мир. Судья Ямск. уч. Моск. ст.
Фоминой, Анисей Михайловой, дв. по перв. мужу Сунбуловой.	Вагапову, Михаилу Михайлову, прис. пов.	С. о. 20 Іюня № 49. У Арамак. нотар. Терновскаго 20 Янв. 1912 г. № 115. Р. IV, ст. 398.	Мир. Судья Яузск. уч.
Циммерманомъ, Маркомъ Абрамовымъ, амер. граж.	Струмиловскому, Якову Іоселеву, мѣщ.	С. о. 20 Іюня № 49. Въ Имп. Россійск. Конс. въ Пиндао 15/28 Февр. 1913 г. № 135. Р. IV, ст. 390.	Мир. Судья 1 уч. г. Владивостока.
Шпльчиквымъ, Лукой Семеновымъ.	Башинскому, Мануилу Николаеву, частн. пов.	С. о. 20 Іюня № 48. У Миров. Судьи 9 уч. Пограничн. о. с. 11 Окт. 1914 г. № 1282. Р. IV, ст. 385.	Мир. Судья 9 уч. Погран. о. с.
Шильниковой, Евдокіей Андреевой.	Башинскому, Мануилу Николаеву, частн. пов.	С. о. 16 Іюня № 48. У Миров. Судьи 9 уч. Пограничн. о. с. 3 дек. 1914 г. № 1571. Р. VI, ст. 386.	Мир. Судья 9 уч. Погран. о. с.